

Я співаю я в своїй душі,
 Коли уйдеш з життя твого,
 Не забуду напоїм ти мене
 На милом і полюбленім,
 На українській мові.

І в комнати, де як батюшки
 Чутиме мила без кінця,
 Взорвуться серця бурхливі -
 Окаменілими серця.

Я постійно у краї бездні
 І в дурну тину, слатсь в тоску,
 Що все на світі - тільки песня.
 На українській мові.

ЛЕОНИД КИСЕЛІВ

ЛЕОНИД КИСЕЛІВ

все на світі
 тільки песня
 на українській
 мові

ЛЕОНИД
КИСЕЛІВ

Избранное
 к 60 - летию

ЛЕОНИД
КИСЕЛІВ

Вибране
 до 60 - річчя

ЛЕОНИД КИСЕЛЕВ ЛЕОНІД КИСЕЛЬОВ

...все на свете —
только песня
на украинском
языке

Избранное к 60-летию поэта

Вибране до 60-річчя поета

Київ • 2006

УДК 821.161.2-1-32
ББК84.4УКР6-5+84.4
К 44

Упорядник *Сергій Кисельов*

Обкладинка *Марини Туровської*

На 1 ст. обкладинки: Леонід Кисельов, 1968 р.
фото роботи *В. Моруженка*

На 4 ст. обкладинки: Леонід Кисельов, 1968 р.

© С. Кисельов, тексти,
2006

© С. Кисельов, упорядку-
вання, 2006

© М. Туровська, обкладин
ка, 2006

© Дизайн, макет. «Факт»,

ISBN 966-359-117-X 2006

Небожі та небожу Леоніда Кисельова –
Мамі Кисельовій та Льоні Кисельову,
а також внучатому небожу
Микиті Кисельову
присвячується

У молодших сучасників
найбільше ціную Василя Голобородька.
Потім — Вінграновського. І, звичайно,
Леоніда Кисельова.

Василь Стус
«Двоє слів читачеві», Брюссель, 1970

Передмова упорядника

Доля великого поета Леоніда Кисельова трагічна, як трагічні долі багатьох інших великих поетів. Лауреат премії імені Павла Тичини «Чуття єдиної родини» (посмертно, 1992 р.), член Спілки письменників України (посмертно, 1990 р.) Леонід Кисельов народився 21 вересня 1946 року у письменницькій родині. А помер він від лейкемії (рак крові) у 22 роки, в ніч з 18 на 19 жовтня 1968-го.

Леонід Кисельов писав вірші лише протягом 11 років — зі 1-ти до 22-х. Починав як російський поет, і його поезії увійшли до антології російської поезії. А останні два роки життя писав вірші українською мовою. І вони увійшли до антології поезії української.

Твори Леоніда Кисельова позначені не лише печаттю справжнього таланту, а й гострим соціальним зором. Це зрозумів свого часу і російський поет Олександр Твардовський, якому вірші десятикласника Леоніда Кисельова передав із Києва Віктор Некрасов. Ці поезії були опубліковані на шпальтах часопису «Новый мир», що його Олександр Твардовський тоді редагував.

Поезії Леоніда Кисельова окремими збірками виходили в Україні тричі — «Стихи. Вірші», «Молодь», Київ, 1970, «Последняя песня. Остання пісня», «Молодь», Київ, 1979, «Тільки двічі живемо», «Дніпро», Київ, 1991.

Ця збірка вибраних поезій Леоніда Кисельова виходить до його 60-ліття. Сюди здебільшого увійшли ті вірші, що вже друкувалися, до деяких із них додано ті рядки,

котрі бачать світ уперше. Дати написання поетом деяких віршів, не відомі напевно, взяті в квадратні дужки. Дати, що виглядають «нестандартно», написані саме так самим Леонідом Кисельовим, який скрупульозно позначав час написання своїх віршів лише в дитинстві.

«Вибране» є передсловом, сказати б, передвісником двотомника творів Леоніда Кисельова, який найближчим часом планує видрукувати видавництво «Факт».

Цей двотомник, по суті, являтиме собою повне зібрання творів Леоніда Кисельова. До нього увійдуть поетичні та прозові твори поета (1957—1968 р.р.), написані українською і російською мовами, його щоденники, деякі листи, спогади про Леоніда Кисельова, статті про його творчість, повний бібліографічний покажчик, примітки, а також фотографії із сімейного альбому — практично всі вони друкуватимуться вперше.

Окрім цього, до двотомника буде доданий CD-диск. У родині Кисельових збереглося три аудіозаписи з голо-сом Леоніда Кисельова.

Сергій Кисельов
kisa_fond@yahoo.com

**СТИХИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

1958

Мой кот

Мимус имеет четыре лапы
(Двух ему хватило бы тоже)
Он от пола до верха шкапа
Разогнавшись, допрыгнуть может.

Он лентяй, спит и днем, и ночью
Днем на диване, ночью со мною
На двор не ходит — в кладовой...
И доволен своей судьбою.

8 июня 1958

О красоте посудите сами:
Черный, белое пятно имеет.
Как-то помог испуганной маме
Вытащив ужа из-под батареи.

Сейчас, уткнувшийся в хвост свой носом
Может быть, спит или просто дремлет.
А, может, решает мировые вопросы,
Хочет переделать старушку Землю.

9 июня 1958

*«Суди, Господи, не по делам нашим,
но по милосердию своему»*

Надпись на могильной плите.

1932 год

Он был, возможно, хулиганом,
И с ног запой его валил.
Ему однажды в драке пьяной
По горлу бритвой провели.

23 октября 1958

Похоронили. И в печали
Все разошлись по домам.
Его родные осуждали,
Но «мертвые не имеют срам».

Решили: без креста негоже,
И подпись сделали ему:
«Суди не по делам, о Боже,
По милосердию своему».

Возможно, был он коммунистом,
И в грудь его вошел метал.
От пули вора в поле чистом
Герой мой смертью храбрых пал.

24 октября 1958

Родные мертвого считали,
Что не жалеть его нельзя,
И, верно, думали в печали,
Что в ад ведет его стезя.

25 октября 1958

Но Бог простить любого может
И надпись сделали ему:
«Суди не по делам, о Боже,
По милосердию своему».

Есть варианты и другие
Когда, за что он был убит
Стоят кресты как часовые
И ветки ветер шевелит.

26 октября 1958

1959

Квартал забором обнесен
И разрушенью обречен.
А решено его сломать,
Чтоб строить новые дома.
Здесь будет двор, здесь будет сад.
А старые дома стоят.
Еще на стенах нету ран,
Еще в окне цветет герань,
Еще дома, еще нужны,
Но все равно обречены.

1959

Солнце больше не дарит обновой,
День уходит, сер и незаметен.
С голых веток носики кленовые
Нюхают холодный мокрый ветер.

1959

Стихи о мыльных пузырях

Один поднялся высоко
(Я помахал ему рукой)
И лопнул где-то в вышине
(Его порыв понятен мне).
Хвалить другого не берусь,
По-моему, другой был трус —
Взлетел — и сразу вниз помчал,
И лопнул, запятав асфальт.
А ну попробуй, докажи,
Кто правильнее жизнь прожил.
Тут спорить можно до зари...
А впрочем, оба — пузыри.

20 июня 1959

(21 / V-59 г. — выходной, день)

Ветер треплет листья,
Холоду — амнистия.
Холод вышел из тюрьмы,
И в июне мерзнем мы.

1959

Буратино

Бедняга Буратино,
Наверно, неспроста
Тебя швырнули в тину,
В глубокий пруд с моста.

Не плачь, не надо, милый,
Ведь счастье лишь лото.
А старая Тортила
Даст ключик золотой.

И он тобой получен,
Но он совсем не то.
Иной «волшебный ключик»,
И он не золотой.

В груди, правее сердца,
(Точней не даст никто),
У каждого есть дверца.
А что за дверцей той?!

Пусть старый холст снаружи —
На это не гляди.
Лишь только ключик нужен.
Но как его найти?

7 июля 1959

Очень плохо быть поэтом...

Очень плохо быть поэтом...
Описали зиму, лето,
Как ручьи бегут весною,
Как в разлуке сердце ноет.

Розы, грезы и морозы,
И грядущего прогнозы,
И мелькнувшие вдруг мысли.
Словом, все не перечислишь.

Все истратили созвучья
И похуже, и получше.
Новых рифм в помине нету.
Очень плохо быть поэтом.

9 июля 1959

Раковина

Торопливый, ровный шум прибоя,
Раковину к уху приложив,
Услышишь ты. Чего-нибудь, да стоит
Даже подражанье для души.

15 июля 1959

Солнце

Ну что ж, так исстари ведется —
Бывают пятна и на солнце.
Конечно, это неприятно,
Но солнце — солнце, даже в пятнах.

1959

Деревья не платят за платья.
Деревья платьями платят
Ветру, чтоб дул потише.
Ливням, дворникам, крышам.

1959

Ракета улетела на Луну,
И опоздала лишь на пять минут.
В таинственных космических просторах
Вдруг загляделась на Созвездье Пса.
(Я в Киев из Одессы ехал скорым,
И опоздал на три часа.)

А вечером, неясно, как в тумане
(Быть может, я не прав), казалось мне,
Что я никем не виданное ранее
Вдруг пятнышко увидел на Луне.

1959

Я вечером услышал соловья.
Прекрасные, волнующие трели!
Потом друзья мне верить не хотели,
И говорили: ты был, верно, пьян.

И оказалось: под окном малыш
Налил воды в дешевую свистульку,
Подул, по-соловьиному защелкал,
И свист его над улицей поплыл.

А как разволновался старый вяз!
Как листья на ветру зашелестели!
Я вечером услышал соловья
Прекрасные, волнующие трели.

1959

Серёже Киселеву

Мой брат — мальчишка лет шести.
Враг всевозможных каш.
Он знает: враг Рене Коти,
А Гарибальди — «наш».

1959

Сияло солнце, было жарко.
Не смел холодный ветер дуть.
Как на дугу электросварки
На снег нельзя было взглянуть.

А ведь недавно вьюги выли,
Поземка стлалась мостовой.
А ты прошел к автомобилю,
И не заметил ничего.

1959

Колодец

Гордый царь царил в верховьях Нила
И оставил множество следов.
Пол десятка княжеств покорил он,
Разорил десятки городов.

Но однажды он (обычай, вроде),
Чтобы не бесследно в землю лечь,
Вырыл посреди песков колодец.
Сам. Рукой, что знала только меч.

Умер царь. Рыдали на могиле,
А потом все повернуло вспять.
Государство дети поделили
И пошли друг с другом воевать...

...Выросли оазисы в пустыне,
Новые дороги, не как встарь.
А колодец? Он стоит поныне.
Значит, что-то сделал даже царь!

1959

Яблоню, что растет на улице,
Чтобы за яблоками не лазили,
Ржавой проволокою колючею
Старый дворник обвил.

Рядом с заржавевшими колючками
Кажутся странными и наивными,
Кажутся до смешного ненужными
Розовые цветы.

1959

Ручей

Вы не пытались проследить,
Куда бежит ручей?
Петляет, вьется, словно нить
Из серебра — ничей.
Мне даже странно, что ручей
Из серебра — ничей.
А интересно проследить,
Куда бежит ручей.

И я пытался проследить,
Куда бежит ручей,
Но закружил меня в полях
Он хитростью своей.
Чуть было не сгубил меня
Он хитростью своей...
Да разве можно проследить,
Куда бежит ручей!

1959

1960

Тюльпаны — раскрашенный тонко шелк —
Стоят, на века застыв.
И пусть ни один из них не цвел,
Они как живые цветы.

И если их лепестков не смять,
Они простоят сто лет.
Быть может, это Вечность сама
Стоит на моем столе?

1960

Петр, шагая по дороге,
Ключ нашел, большой, тяжелый.
И угрюмый, одинокий
Бродит он теперь по селам,

Словно призрак, сух и бледен,
Смотрит на чужие двери.
И, мечтая, об обеде,
Ищет дом к ключу теперь он.

1960

Сказка о королевстве цифр

Когда-то Королевство цифр,
Своих соседей покорив,
На зависть и на страх врагам
От Ириаттики до Ламм,
От Ульских гор до Кзыр-Короз
Медвежьей шкурой улеглось,
Царящею, держащей власть
Династия Один была.
И добр к народу не ахти
Был Айн XII Один.
Он, выступая, гордо нес
Свой длинный, тонкий, острый нос.
Все говорили, что король
Умен, но очень, очень зол.
Его министр первый — Два,
Все говорили — голова!

И вправду, голова его
Министра больше самого.
Но шел слушок из уст в уста,
Что голова его пуста
Граф Три — гордец, аристократ
Но злые люди говорят —
Его алтарь — дубовый стол,
И потому он страшно толст.
Четыре — старый генерал.
Он пять сражений проиграл,
Чуть-чуть не выиграл одно,
Но враг (он этому виной)
Такой нанес ему удар!
О, кто не терпит неудач.
Богаты страшно Пять и Шесть,
Заводов, фабрик их не счесть.
Тот и другой вперед несет
С огромной важностью живот.
Семь — офицер-кавалерист,
Кумир гостиных и балов,
Но страшно туп и безголов
Есть Восемь, Девять — те купцы,
В их магазинах леденцы,
Автомобили «Кадиллак»,
Все лучше, лучше их дела.

Профессор — старый, толстый Нуль.
Старик боится свиста пуль,
Автомобилей, лошадей,
Дам, жаб, мальчишек и т. д.

17 февраля 1960

Город сонный, сонный, только видно
Полосы широкие пижам.
Да в колясках возят инвалидов
Набережной тихой по утрам.

Море тоже сонно. Робко лижет
Берег невысокою волной.
Кажется, что небо стало ниже
И прессует надоевший зной.

Море, заиграй! Их сон разбей ты!
Тихий пляж волнами искусай!
Над спокойным морем плачет флейта,
Над спокойным морем паруса!

Паруса. Фрегат. Но это что же?
Над фрегатом флаг затрепетал.
В небе черный флаг. Веселый Роджерс?
Может быть, сейчас раздастся залп?

Я пойду и попрошусь к ним юнгой.
Увезет меня с собой фрегат.
Там из чаши, пущенной по кругу,
Буду я ямайский ром хлебать.

Черный флаг, как черный ворон, реет...
Тише, ну к чему такой задор?
К пристани идя, берет левее
Катер для прогулок «Лабрадор».

19 февраля 1960

Китеж

Выслушав напутствия: смотрите ж
Осторожней. Что вы? Наугад?
Я ушел сегодня в город Китеж.
Впереди — деревни и луга.

Китеж, верно, ты не изменился.
Точно так же (вот уж сотни лет)

Мерят сороками шкуры лисьи
И мешками шкуры соболей.

Ты укрыт надежною завесой
От времен, событий и людей.
Сколько мне идти осталось? Месяц,
Год, минуту или день?

Из-за горизонта, постепенно,
Белые, белее молока,
Вырастают каменные стены.
Я бегу (Как сердце бьет в бока).

Подбегаю. Как зевок ворота.
Стража спит, склонившись на мечи.
Дальше! Дальше! Ведь не спит здесь кто-то!
Нищий! Эй, отец! Старик молчит.

Спит. Теперь вхожу во все дома я.
Люди спят на лавках, на полах.
Словно в сказке, где колдунья злая
Юную принцессу прокляла.

Китежские граждане, проснитесь,
Разомкните шторы век!
Слышишь, город Китеж, знаешь, Китеж,
Что сейчас двадцатый век.

В узком переулке церковь Спаса.
Нищие на паперти лежат.
Колоколья в золоте. Прекрасно!
Разбужу сейчас я китежан!

Миг, и я уже на колокольне.
Привкус ветра на моих губах.
Город весь лежит как на ладони.
Вот веревка. Я забил в набат.

Звон. Разбита тишина немая.
Город просыпается едва.
И гудком далеким отвечает
Скорый поезд Куйбышев—Москва.

27 марта 1960

Я слышал, будто скульпторы Эллады
Из мрамора коринфского скульптуры
Раскрашивали краской минеральной —
Зеленой, красной, и довольно грубо.

Но время стерло краску, и скульптуры
Нам чистыми и белыми достались.
А, может быть, они в окраске грубой
Верней? О, Бельведерский Аполлон,
Раскрашенный, как тульская матрешка!

6 мая 1960

Откуда, я не знаю, право
Ко мне явился поутру
Какой-то черт, возможно, дьявол.
Я в рангах их не разберусь.

— Что скажите, милейший дьявол?
— Кое-что хочу вам показать.
— Мне эти шутки не по нраву!
Куда меня ты тащишь?!

— Вад.

Мы с ним два дня неслись. На третий
К пещере черт принес меня.
У нас зима была, но лето
В Австралии увидел я.

Я думал — ад под Литл Роком,
Но черт в пещеру ловко влез.
— Идти нам — бросил — недалеко.
Иди за мной. Поэты здесь.

Иду за ним. Мелькают залы,
И слышится неясный гул.
Бичей милей, алее Лала
В котле варился Сологуб.

Большая комната направо.
Там в наказание за все
Бурлюк глотает камни, травы,
Глубины, глины, зыбь и соль.

Летит в космическом трамвае,
Дымя, как лошадь, Гумилев.
А дальше Хлебников взбивает,
Как пух в перине, кучки слов.

— А где же Маяковский?
— Вот он.
Но на дверях замок висит.
— Что делает и как живет он? —
У черта-гида я спросил.

— Стихом бичует кущи рая
И часто (нежен или груб)
Волнующе ноктюрн играет
На флейте водосточных труб.

Конец апреля 1960

Аршакован

Армянский царь Аршак II (IV век), борясь с удельными князьями (нахарарами), основал город Аршакован и объявил, что всякий, вошедший в этот город, свободен от суда и закона. Вскоре население составляло больше 100 000 человек. Жители города (они бежали из-под ига нахараров) были большой силой в руках Аршака.

В долине Ког, у речки Максис
Основан был Аршакован.
Царь объявил, что всякой власти
Конец у городского рва.

И город, над долиной высясь,
Всех принимал, без паспортов.
Там скоро стало двадцать тысяч,
А то и более домов.

Все, кто с насилием боролись —
Бродяги, смерды — соль земли.
Не по свободе — вольной воле
Свою тоску туда несли.

Беда приходит в дом без стука,
Дверь перед ней закрыть нельзя.
Персидского царя Шапуха
На помощь вызвали князя.

Приди и помоги, — сказали.
Какие подлые слова!
И был сожжен и кровью залит,
Сравнен с землей Аршакован.

11 мая 1960

Молишься и веришь. Даль туманна.
Двери шепчут: пуркуа?
Донна Анна, знаешь, донна Анна —
Милый парень Дон Гуан...

...Стук. Шаги. Гуан, ты страхом скован.
Выдают тебя глаза твои.
Перед Командором трехметровым
Тоненькая женщина стоит...

Середина апреля 1960

Говорят, все песни спеты.
Вроде не нужны поэты.
Я пишу стихи про это,
А другие строят это.

Помогает стих, отчасти,
Жить, трудиться окрыленно?
Киркою помашешь часик,
Так навряд сонеты тронут.

За окном цветенье вишен!..
Я гляжу на это хмуро.
А не бросить ли мне вирши,
Не податься ль в штукатуру?

20 мая 1960

На заборе висит афиша
«Я ищу тебя».
Это о том, что меня кто-то ищет
Все заборы трубят.

Я часами у этой афиши
Стою на посту.
Ты, что ищешь меня, слышишь,
Вот я, тут.

1960

Аршакован

Армянский царь Аршак (IV век н.э.) для борьбы с удельными князьями основал в своей долине город Аршакован и объявил, что всякий пришедший в него свободен от суда и закона. Массы княжеских крепостных стали стекаться в город. В их лице Аршак надеялся обрести поддержку.

Человек подошел к ручью.
Стал пить, как, придя из пустыни, пьют.
Он, княжий холоп, от господ бежал.
Три дня гнались за ним сторожа.
Но он ушел по глухой тропе.
Он шел, а в сердце звенел напев:
Священны камни твои и трава,
О, город Аршакован.

В лесу ему спутник шептал: «Бежим!
Тому, кто придет в этот город жить,
Дают рубаху. Из полотна!
И мяса дают. И кувшин вина.
И волю, главное, там дают.
Бессильны в городе князь и суд.
Священны камни твои и трава,
О, город Аршакован!»

Дошел до города он. И вот
Улыбками встретили у ворот.
И дали рубаху из полотна,
И мяса, и целый кувшин вина.
И города воздух бодрит, как сон.
Ведь он свободой напоен.
Священны камни твои и трава,
О, город Аршакован.

Но он подумал: «Ведь слепнет мать,
Чтоб я в рубахе здесь мог гулять.
Сидит без хлеба сестра моя,
Чтоб здесь ел мясо бесплатно я,
И люди босы, и я виной —
Ведь здесь бесплатно я пил вино.
Священны камни твои и трава,
О, город Аршакован.

И эта свобода — один обман,
Чтоб царь мог головы снести князьям.
Тогда растает она, как сон».
Брезгливо сбросил рубаху он.
Когда хвосты прищемят князьям,
Она растает, как будто сон,
На землю бросил рубаху он.
Она покорно легла у пят.
Человек повернул назад.
Священны камни твои...

1960

Осень пришла в воскресенье

Осень прошла сквериком
Вдоль чугунных оград,
И подумала:сквер — это,
Наверное, скверный сад.

В синем жакете, с папочкой
(И в выходной дела),
Меря дорожку палочкой,
К девушкам подошла.

— Вот и пришла я. Рады мне?
— Вы бы... пришли потом.
Мы вот сейчас с ребятами
Вместе на пляж идем.

Ушла (Загляну к вам в среду я)
И слышит — невдалеке
Девушки беседуют
На птичьем языке.

Лето 1960

Димитрий

Уцаря Михаила Романова был сын Димитрий, проявлявший уже в возрасте 10 лет твердость и даже жестокость характера, сильно походивший на Ивана IV. По преданию, придворные царя-отца так осторожно отравили его, что б все считали его смерть естественной.

Желтый трупик мальчика
На столе.
Сам епископ каркает:
Прах и тлен.

Вытирая пот с лица
(Свет не мил),
Скорбно хмурит брови царь
Михаил.

Нянюшка царевича
Голосит.
Дьяк гнусавит: Господи,
Нас спаси!

А бояре крестятся
Каждый раз.
Ничего не сделаешь,
Видно, сглаз...

Вы, бояре, думали:
Дмитрий зол.
Занесет над думою
Много зол.

...Он бы хана крымского
Поборол.
Но коли займет уж он
Отчий стол —

Не сидеть нам сытыми
В терему.
Сами зелье сыпали
В хлеб ему.

...Словно стая воронов,
Каждый раз:
Ничего не сделаешь,
Видно, сглаз.

Лето 1960

Дождик серенький и маленький,
Дождик маленький и робкий,
Дождик робкий на завалинку
Прыгнул тихо и неловко.

И зацокает, зацокает,
Убегающий куда-то,
Лишь травинка невысокая
Вслед посмотрит виновато.

3 сентября 1960

Солнце землю не дарит обновой,
День уходит, сер и незаметен.
С мокрых веток носики кленовые
Нюхают холодный мокрый ветер.

1960

Ночью деревьям очень страшно
Стоять на ветру одним.
Месяц землю, как плугом пашет,
Острым рогом своим.

Хоть фонарь бы горел — так просто!
Нет — на земле темно.
Глянут в небо, — а в небе звезды,
В небе — звезды и ночь.

5 сентября 1960

Наверное, в душе часовщики
Считают мир огромными часами.
В три горла тикай, бей, как на пожар,
А все равно сломается пружина.

14 сентября 1960

Космический трамвай

Я веду ракету на Венеру.
Рейс пять тысяч триста двадцать восемь.
Грушевую воду марки «Бэра»
Стюардесса вежливо разносит.

Я картинку в старой книге видел:
Странный ящик, а в середине стулья.
...Два пучка магнитных волн, как нити,
От Земли к Венере протянулись.

Два пучка. Как рельсы. Как в трамвае! —
С курса на три пальца хоть сверни ты —
Стрелки головами закивают,
Аппараты зазвонят сердито.

У большого мира путь нелегкий.
Жили поколения, мечтая
То о заколдованной пролетке,
То о заблудившемся трамвае.

И опять трамвай. Без карт, без лощей.
Он царит и в космосе. Но верю:
Поведет ракету к новым солнцам
Мальчик, пьющий воду из фужера.

1960

Над Днепром

Потомки будут, думается мне,
Нас называть народом фантазеров.
Ну, взять мосты хотя бы через Днепр.
Как велики и как мощны опоры.

Писали:птица не перелетит,
И рисовали: синий и широкий.
А Днепр можно вброд перебрести,
И только до колен замочишь ноги.

О, как бы мне хотелось, чтоб река
Была и при потомках глубока.

28 сентября—5 октября 1960

Антарктида

*Ни господ.
Ни рабов.
Ни царей.
Ни республик,
Ни древних империй...*

Л. Мартынов
«Антарктида»

Вот и найдены древние карты твои, Антарктида,
С указанием высот, тех, что тысячи лет подо льдом.
Эти карты древней, чем гробниц фараоновых
плиты,
Мы по ним ни народов, ни стран никогда
не найдем.

Значит, мир начинался не с коптов, не в древней
Элладе...

С трех твоих островов? Как же звался твой
гордый народ?

Может быть, твой Уатт паровую машину наладил,
А в Египте Хеопс пирамиду закончил в тот год.

Может, были свои: и Руссо, и Фейхтвангер,
и Горький.

Ницше свой, свой Карл Маркс, даже Ленин,
возможно, был свой!
И фашисты свои, и расстрелянный Гарсия Лорка,
И, как странно звучит, антарктидский великий
Толстой.

После этого атом открыли и, воздух земли
заражая,
Повели испытанья. Сперва для остротки врагу...
Но однажды, однажды две черные кнопки
нажали —
Ту на этом, другую за морем, на том берегу.

И великие хартии, с грозным рычанием зверя
(Или тихо и ласково), море слизнуло, как сор.
В мире все повторяется. Значит, мы тоже?..
Не верю!

Остановим истории колесо!

Октябрь 1960

Жил да был старый граф.
Жил он в замке сером, старинном.
Вилась, торжественна и стара,
Лепная надпись: Anno Domini.

Серый мох обрамлял бойницы.
А у графа была подагра.
Он не ездил лечиться в Гагры —
Все за границу, в Ниццу.

Граф был знатным и богатым
И от скуки — меценатом.

Потому-то именем графовым
И зовутся науки многие:
География, топография,
Фотография, графология.

Грифели делают из графита,
И наливку пьют из графина.

А у графа сынок был — График,
В общем, очень неглупый малый.
Собственным именем — просто «график»
Изобретенье свое назвал он.

И люди по графику стали работать,
Бить Куца рекорды, чихать,
Обедать, влюбляться и кашлять, пить воду.
Гулять и витать в облаках.

Были такие люди, впрочем,
Которые графики рвали в клочья.
Рвали в клочья... А после в ЗИЛе
Санитары их увозили.
А диагнозы были туманные:
Графомания...

Старый замок разбит в войну.
Никто не шуршит на дорожках гравием.
Люди по графику полетят на Луну
И изучат селенографию.

Октябрь 1960

Оборвалась тоненькая нить —
Кончилась пластинка с песней Грига.
Осень. Побелели небеса,
И уже не хочется в походы.
Даже в кресле можно сносно жить.
В кресле спать, хранить под креслом книги,
А на гладких поручнях *писать*,
И держать в карманах бутерброды.

1960

Море глухо камни ворочает,
Много их у него, камней.
Но неровности будут сточены,
Камни станут круглей, ровней.

Как же жизнь, где любят и борются,
Где готовы помочь в беде,
Оставляет страшные борозды
На щеках и в сердцах людей?

Зима 1961

В ТУ-104

На облака облокотись
И вниз на землю погляди.
Взгляни на горы сверху вниз,
На реки в челюстях плотин...

Взгляни на села, города
Не свысока, а с высоты,
Чтоб просто больше увидеть,
Чтоб сразу взглядом охватить...

Гляди: над лучшим из миров
Редает облачный покров.
Да! — люди выше облаков!
И люди больше городов!

Зима 1961

Мальчишка рисует на мусорном ящике мелом
Прекрасные пальмы и море.
Снежинки планируют в белый, пустынный
и белый,
Их маленький дворик.

На рыжем железе, таком неуклюжем и ржавом,
Плывут белокрылые яхты.
Грохочущих волн и горячего солнца держава,
Одесса и Ялта.

Прохожие молча на эти рисунки смотрели
И всё пожимали плечами.
Мы тоже рисуем на мусорных ящиках мелом
И море и пальмы.

Зима 1961

Осенний вечер. Я выключил свет.
Сажу и гляжу в окно.
Чужие окна глядят мне в лицо
Тысячью влажных глаз.

Они говорят: «Мы пришли домой,
Уютно нам и тепло.
А ты? Возможно, там в темноте
Ты острое что-то куешь?»

Нет. Просто, знаете, я поэт.
И я люблю темноту.
Скажите, вы позволите мне
О вас написать стихи?

1961

Ночью метлой с алюминиевой ручкой
Дворник улицу чистит.
Кажется, будто бы лунный лучик,
Мягкий и серебристый, —

Чтоб дубинкою не ворочать, —
Взял себе дворник старый.
А, может, лучами лунными ночью
И впрямь метут тротуары.

1961

Зависть

Очень хорошее чувство — зависть.
Это сначала тонкая завязь
Мыслей, которые страшно мучат:
Кто-то что-то делает лучше,
Кто-то лучше поэмы пишет,
Чьи-то ракеты взлетают выше,
Кто-то дальше копье кидает,
В смену делает больше гаек.
И все стараются делать лучше.

1961

Людам трудно, у людей тревога:
Как идти с двадцатым веком в ногу?
С напряженным, четким, торопливым.
Эти и неверно, и наивно.
Я обосновать могу свой вывод.
Лучшие у века — это вы ведь.
Век вы обогнали века на два.
Век теперь старается догнать вас!

1961

Балкон

На балконе веревки, как снасти на судне,
И асфальт, словно море, окрест.
Я возьму простыню и на ней нарисую
Синькой — синий Андреевский крест.

Как носильщики, ветры услужливо хлынут,
Паруса затрепещут легко.
К удивленью хозяек, спешащих на рынок,
Задрожит и помчится балкон.

1961

ОДЕССКИЙ ЦИКЛ

Скорость

Здесь слабо верится в мощь науки.
У серых ворот, перед клумбой пестрою,
Бессильно бросив вдоль тела руки,
Лежат больные, туберкулезные.

Трамвай-малютка за их забором,
Как бойкий песик, вприпрыжку катится
Но им его небольшая скорость
Невероятной, наверное, кажется.

А люди едут на пляж в трамвае,
Они не скоро домой заявятся...
...Спокойно все это наблюдают,
Лежат. Ни злости в глазах, ни зависти.

1961

Все изменчиво! Все в движении!
Волны в дикий пустились пляс.
И без всякого сожаления
Море вгрызлось в песчаный пляж.

Унесло бревно, что полгода
Пролежало на берегу.
Ребятишки заходят в воду
И назад от волны бегут.

Все изменчиво, но не обманчиво,
А скорее — обнажено!
Вот отхлынет вода, и мальчики
Снова видят морское дно.

1961

По лоскуткам, по ломтикам
Россию собирали вы.
Стрелецких копий готика
Была опорой царевой.

Стрелыцы безмолвной дерева,
Крепки их копыа длинные.
И Русь чтоб шла, хотели вы,
С Пожарским, а не с Мининым,
Орать не смейте: сами, мол,
Вершите, что приказано!
Но шли не за Сусаниным,
А шли к Степану Разину.
И было с вами славненько
Одним только исправникам.
Неправда, мы не правнуки!
Убиты ваши правнуки.

1961

Джанкой

Ну, а что такое Крым?
Мы о нем поговорим.
Кипарисы? Море? Зной?
А слышали про Джанкой?
Там не только моря нет,
Там и луж обычно нет.
В изобилъе только зной —
Городок в степи сухой.

А поедете на юг —
Море, волны в берег бьют.
Повернете на восток —
Море, волны и песок.
Запад — море, волны, пляж,
А на севере Сиваш.
А в Джанкое пыль. Жара
Начинается с утра.
Сотни голых потных душ
Лезут радостно под душ.
Взять бы этот городок,
Положить его в мешок,
Хорошенько потрясти
И на берег отнести!
...Больше всех, конечно, рады
Были б этому ребята.

1961

Этой ночью умер Сталин.
Восемь лет назад.
Рано утром люди встали —
Флаги с лентами висят.

Этой ночью в знак печали
Рано на заре
Управдомы прикрепляли
К флагам черный креп.

...В серой мартовской кадрили
Снега и дождя
Управдомы хоронили
Своего вождя.

1961

Памяти Бруно Ясенского

Конечно, Матэ Залка повезло
В том, что его убили под Уэской.
А Бруно под Москвою был убит.
Его враги убили. Из друзей
Часть поспешила от него отречься,
Не дожидаясь третьих петухов.
А равнодушные смотрели молча
И радовались, что его убили,
Что книгу дописать ему не дали
И до конца их заговор раскрыть.
И этот день был праздником у них,
Как день, когда сожгли Джордано Бруно.

Но смертью преждевременной своей
И книгой незаконченной своей
Он учит равнодушных ненавидеть,
С врагами учит биться беспощадно
И осторожно выбирать друзей.

1961

По-моему почетней всех регалий,
И нынешних, и всех времен минувших
Медали за отвагу на пожаре,
Медали за спасение тонувших.
Но мой сосед под Новый год, а также
К Седьмому Ноября и Первوماю
На пиджачок с десятилетним стажем
Солдатские медали прикрепляет.
И оставляет в ящике комода
В резной шкатулке - памяти о сыне
Свою медаль за самый мирный подвиг,
За то, что из огня ребенка вынес.

1961

Баллада об архитектурных излишествах

Униженные кольцами карнизов,
Лепных колхозниц на ладонях крыш
Несущие по небу, словно вызов...
Кого сегодня ими удивишь!

С какой-то непонятною досадой
Ругают их тяжелые фасады.
Ругают так, как будто мстят кому-то,
И непременно связывают с культом.

Страна была разрушена врагами,
Но их любовно строили годами,
А не дома без статуй и без арок
Для жителей подвалов и хибарок.

Но на лепные эти цитадели,
Как на мечту, без зависти глядели
И любовались формами любимыми.
А те дома и впрямь мечтою были.

Мечтой о коммунизме и о счастье.
За это я люблю тебя, Крещатик.

1961

Лыбедь

Сюда частенько приходят выпить.
Консервные банки лежат на дне.
Течет ручей грязноватый — Лыбедь.
А раньше он был таким, как Днепр.
Каким же тогда был Днепр?

Ревут бульдозеры громче танков,
Срезают пласты земли.
В серой воде, словно падший ангел,
Желтый клиновы́й лист.
Он светл и золотист.

1961

1962

Цари

Еще мальчишкой удивлялся дико:
Раз все цари плохие, почему
Царя Петра зовем Петром Великим
И в Ленинграде памятник ему?

Зачем он нам, державный этот конник:
Взорвать бы, чтоб копыта в небеса!
Шевченко, говорят, односторонне
Отнесся... Нет, он правильно писал:

Це той первий, що розпинав
Нашу Украшу...

Не Петр, а те голодные, босые
В болоте основали Петроград.
За долгую историю России —
Ни одного хорошего царя.

1962

Стихи о Тарасе Шевченко

I

Он прятал от тюремщиков
В голенище не нож, а стих.
Радоваться нечему,
Но это — его стиль.
Не самолюбие автора,
А чистая вера в то,
Что можно приблизить Завтра
Залпом своих стихов.
Эта вера рождала
Песню в зашитых ртах.
Буду об этом помнить
И буду писать — так.

II

Я знаю, что твердил Тарас Шевченко,
Когда его держали в Косарале,
И муштровали под казахским солнцем,
И запрещали даже рисовать.

Я знаю, что твердил Тарас Шевченко,
Когда он видел, как сквозь строй проводят,
И слышал, как с глухим и страшным звуком
Отскакивают палки от спины.

Я знаю, что твердил Тарас Шевченко,
Когда вельмож он видел украинских,
Своих же братьев давящих и рвущих
Почище всяких тур ков и татар.

Я знаю, что твердил Тарас Шевченко.
И, как его завет, я повторяю
Одно-единственное это слово:
Ненавиджу!

1962

Автобус — как пирог на скатерти,
Ему ль грузовиков в соседи!
И мальчик предлагает матери:
Давай на августе поедem.

А день по-августовски радостный,
И солнце светит, что есть мочи.
Ну что ж, поехали на августе
В сентябрь, в октябрь — куда захочешь.

1962

На улице идет единоборство
Зимы с весною, снега и лучей.
Как воин, снег не покидает пост свой,
И, как солдат, неутомим ручей.

У солнца натиск, у зимы упорство,
И ясно всем, что здесь не быть ничьей.
На улице идет единоборство
Зимы с весною, снега и лучей.

1962

Дон-Кихот

Ночью, в метелицу,
Коня пришпорив,
Вскачь на мельницу.
Где мелется горе.

Туда, где мельники
Толкуют людям:
Перемелется —
Мука будет.

Кому не нравится —
Шаг влево!
А люди давятся
Куском хлеба.

...Смелого всадника
Мельницы крылья
По касательной
Протащили.

И отбросили
По инерции...
...Снова люди
Пошли на мельницу.

1962

Остракизм

Казалось — он увековечен в камне,
Алмазной гранью — гипса скорлупа.
Теперь одна задача — черепками
Наследников его по черепам.

1962

Визит осени

Дождей повелительница
И луж владычица —
Ее величество
В дверь стучится.

Я натягиваю
Свой лучший свитер.
— Як вам запросто,
Я без свиты...

Пьем с клубничным вареньем чай
И говорим о стихах Драча.

1962

Дождь. Осанистым соснам
Снятся длинные сны.
Я готовился к осени,
Начиная с весны.

Чтобы в слякоть осеннюю
Равновесье сберечь,
Запасал впечатления
От поездок, от встреч.

Шутки — валишься со смеху,
Но спастись не сумел.
А готовился к осени,
Как хозяйки к зиме.

1962

Первая любовь

Поэма

I

В любовь, как с моста в реку,
Без паспортов, без виз!
И вдруг раздался резкий,
Протяжный свист.

Ах, улочкою белою,
Рука в руке...
Ее рука вспотела
В моей руке.

А свист ее опутал,
Отрезал все пути.
— Куда ты, Люда?
— Пусти... прости...

Я бросился за нею
Какой-то двор,
Крыльцо, сарай. Скорее!
И — никого.

Захлопнулась калитка
И прозвенел засов.

Скамья и стол, как плаха.
Потом я шел домой
Хотелось плакать,
Наплакаться не мог.

И в лунном свете четко
Легли ее следы.
Потом, под небом черным
Я до утра бродил.

И в тьму по тротуару
Удары каблучков.
(А может, сердца удары?)
Сжатые рты дворов...

Я плелся, как собака,
Вдоль тусклых зимних звезд.
Хотелось плакать,
Но не хватало слез.

Четыре тени,
А тьма какая-то серая.
— Мы джентльмены.
Проводил, а теперь побеседуем.

Ваши мамы
Не пускали нас дальше передней.
С вами
Ходили отличницы в белых передниках.

Милка — наша!
Лучше уйди по-хорошему.
— Врете! Люда не ваша!
Я люблю ее и не брошу!

Вы — болото!
Но вам ее не завлечь
В мутную, чавкающую трясину!
Мне казалось тогда, что моя речь
Звучит со страшною силой.

Но в глазах качнулся ряд фонарей,
И, кружась, ушла далеко-далеко ночь.
Я узнал потом, через много дней:
Неизвестные вызвали «скорую помощь».

II

В больнице

Нет, я не умру. А вдруг? Как душно. Сволочь, ударил кастетом. Как душно! А окно закрыто. На что оно закрыто? Сейчас вспомню. Кастет — шпингалет. Шпингалет. Стальной. Хочешь апельсинную корку? Дай надену на тебя. Ну вот, очень красиво. Только скажи, пожалуйста, всей стали, чтобы она меня не трогала. Боюсь смерти и боюсь стали. Но наши каски стальные. И топоры. И станки. И оружие тоже стальное. Оружие, которым мы защищаем людей. Но ведь кастет — тоже оружие. Все дело в том, в чьих руках оружие...

И все-таки наши топоры — самое нужное оружие. И еще, может быть, нож хирурга...

III

Главный врач идет по палатам
Важно щупает животы.
С какой надеждою вслед глядят ему
Больные, разинув рты!

В марлевой маске, строгий, и сзади
Свита его идет.
Торжественней любого парада
Обставлен этот обход.

И это не игра, не забава —
Это и впрямь парад.
Врачи имеют на это право —
Это они людей потрошат.

IV

Монолог соседа по койке

Странная штука тоски бацилла,
Даже покинувших каземат
Вдруг охватывает со страшной силой
Стремление
вернуться назад.

Это прячут в себе поглубже,
А ночью выметывают, как икру.
Старые фильмы берут за душу,
Старые песни сердце дерут.
Вы молодой, вам гораздо проще,
Много легче жить на земле.

...Говорят, будто ночь за ночью
Он царапается в Мавзолей.

Вы молодой. Вам гораздо проще
Жизнь сегодняшнюю понять.
Знаете, снится мне ночь за ночью
Будто в лагере я опять.

Я умираю (тише, не надо
Утешать меня и жалеть).
Я увидел победу Правды
И теперь могу умереть.

Я умираю (не надо, молча
слушайте!) Сквозь окно из звезд —
К горлу, медленно, ночь за ночью
Тянется руки его кость.

Годы лагеря, словно птицы,
В жизни моей проклевали плешь...
Постарайтесь прочесть Солженицына.
Знаете, гениальная вещь!

Знаю, больше не повторится
Этот страшный колымский смерч!
Постарайтесь прочесть Солженицына.
Знаете, гениальная вещь.

Конечно, это не повторится,
В конце концов, не об этом речь.
Но постарайтесь прочесть Солженицына.
Знаете, гениальная вещь!

V

*Спор с ним же по вопросам
архитектурным*

Вы ужасно хороший, Женька,
И все-таки немного смешной.
Вы готовы в любую стенку
Биться собственной головой.

Я боюсь, что жизнь постепенно
Выпьет ваш оптимизм до дна.
Вы проснетесь, а всюду стены.
Ты один, а вокруг стена...

Вы не правы, нет, вы не правы.
Я с друзьями, я не один.
Не стена, не кирпич ржавый,
А простор у нас впереди.

Над полями встает солнце,
Птицы поют для нас.
Если где-нибудь попадется
Впереди на пути стена —

Головой, плечом, кулаками,
Но разбить ее!
Вдрызг!
Навек!
Он на миг перевел глаза на
Повязку на моей голове.

VI

Цветы

Чуткие сослуживцы
Ему принесли цветы.
Он весь вечер бился, как птица.
И его не смогли спасти.

Схватил рукой одеяло,
Другой — подушку обнял...
А цветы простояли
В графине еще три дня.

Дочь. Слиплись ресницы,
У лба сухой кулачок.
У меня до сих пор хранится
Из букета его цветов.

1962-[4 февраля 1963]

Надо мною радио повесили,
Чтобы звуки разгоняли мысли.
Слушаю последние известия,
А потом еще Останні вісті.

Знаю я, что происходит в Йемене,
Знаю, что во Франции творится.
Только хорошо, что это временно,
Что недолго мне лежать в больнице.

1962

Утро стрелецкой казни

Всем известен царев указ:
Нынче казнить, нынче утром казнь!
Стрельцов на площадь уже свезли,
А в отдаленье стоят послы.
У них на лицах холодный пот,
И рядом с ними царь Петр.
Мало ему тех голов, что сам
В тайных застенках рубил стрельцам.
Послам бы отсюда уйти, а Петр
Сверкает глазами, как дикий кот.
Небось, напился уже с утра.
А может, лучше б повесить Петра?
В петле, башкою небу грозя,
Еще не так бы паялил глаза!

1962

Баллада о муке

Люди привычно строились в очередь,
Кто за кем, выясняли вежливо.
Две старушки, маманя с дочерью...
Ломились полки от хлеба свежего

Но люди привычно строились в очередь
И терпеливо ждали муки.
Дело в том, что к празднику очень
Людям нужны были пироги.

А завмаг выходил озабоченный,
— Будет мука, — говорил, — в обед.
Вновь выходил, глядел на очередь,
И говорил, что муки нет.

После, выбелив грудь и руки,
Вынес торжественно первый куль.
Испытав неземные муки,
Люди получили муку.

И те, кто видел их с кульками,
В магазин бежали скорей.
Это здорово — полки с хлебами,
А вот с пирогами еще трудней.

1962

Август

У девчонки грустная мордочка.
Красный лак на ногтях.
Август заканчивается,
Скоро сентябрь.

Властно обнял рукой ее
Парень — по виду студент.
Редкие прохожие
Молча глядят им вслед.

Парень идет скованно,
Рука напряжена.
Спокойно и чуть расслабленно
Рядом идет она.

Из них двоих известно
Только лишь ей одной,
Что осень разрушает
Начатое весной.

Держат пальцы плече ее
И выпустить не хотят.
Но август заканчивается,
И скоро сентябрь.

1962

Не поможет ни сила, ни меткость,
Ни умение, ни твердость руки.
У Дантесов тяжелые веки,
И у них под глазами мешки.

Знать, поэтам ни шпага стальная,
Ни винтовка, ни острый кинжал
Не нужны, если их убивают
За стихи, что разят наповал.

1962

Эпитафия себе

Не спешите:
Шестнадцать лет.
Мне еще лучше
Лежать в земле.

Покуда кости,
Всю землю взрыв,
В небо бросит
Атомный взрыв.

1962

Мне снова снится отчий дом —
Малометражная квартира.
Проснулся ночью. Было тихо.
И вспоминался этот сон.

И не женат, и не влюблен,
Мечтал уехать за полмира,
И вдруг приснился отчий дом —
Зовущая назад квартира.

1962

Б. Л. П.

Горло плоское, как монета —
Раздавлено каблуком.
Думали, больше нет поэта,
А песня лилась легко.

Его на костер втокнули штыками,
Как запоешь ты здесь?
И ни стоны, только сквозь пламя —
К людям — сквозь пламя — песнь.

Пепел его закопали в яме,
Плюнули и ушли,
Поднимая пыль сапогами.
А песня — из-под земли.

И в этой песне такая сила,
Сплетенья стольких судеб,
Что рожь над пеплом заколосилась —
Поэзии горький хлеб.

18 октября 1962

Все сторонятся,
Хоронятся по углам.
Здравствуй, бессонница,
Как дела?

Дней сумятица
Бежит, как ручей,
Но медленно катится
Река ночей.

А мне не тонется
В воде речной.
Здравствуй, бессонница,
Я — твой.

1962

Фабричные романсы

Подражание Блоку

Мотто

*У свята батько сидів на вулиці, а сусід п'яний ви-
йшов із хати і зарізав. А не сварилися, жили по-су-
сідськи, мирно. Це у неділю було, а в суботу сусід
приходив до батька, покурив із ним. Одинадцять ро-
ків минуло.*

I

Сегодня дождь, и завтра дождь,
И послезавтра будет дождь,
А ты сегодня не придешь
И завтра не придешь.

Я вчера полы помыла,
Стерла пыль со стен
И салфеткою накрыла
Крышку «КВН».

Лишь ночами сердце колет
Да полы скрипят.
В полночь зелье приготовлю
Привернуть тебя.

Дни за днями, только ветер,
Только дождь в стекло.
Поглядела, а в буфете
Зелье зацвело.

Яблочко, яблочко,
Розовый цвет.
Ты меня любишь,
А я тебя нет.

Яблочко, яблочко,
Красный бочок.
Напрасно ходишь
Ко мне, дружок.

Напрасно ставишь
Вопрос ребром:
В губы губами
Иль в сердце ножом.

Подстережешь, мол,
У входа в клуб.
Вон дружинники
На углу.

Выгрыз в яблочке
Червь дыру.
Не ходи ко мне,
Милый друг.

1962

Тринадцатое марта, Куреневка.
Сначала глина, позже вал воды.
У человека буксовала «Волга»,
Он думал в ней уехать от беды.

Ему б бежать, минуты не теряя,
И мог спастись. А он ее толкал.
Дома, машины и людей сметая,
Все приближался трехметровый вал.

Скользили ноги. Падал на колени,
Но поднимался и толкал опять.
Колеса «Волги» видели на гребне,
А он волною сразу был подмят.

Так получилось, что погиб он вместе
С моим дружкой, который в этот день
Случайно оказался в этом месте
И не удрал, а стал спасать людей.

Он видел, как столбы ломались звонко
И рельсы выгибались, словно жечь.
Он мог спастись, но он бежал к ребенку,
Кричавшему на третьем этаже.

Мне совершенно безразлично, сто лет
Он собирал на «Волгу», или пять.
Но никому на свете не позволю
Две эти смерти в ряд один равнять.

1962

Ах, на площади Мартыновского
Не автобусы — красота.
ЗИЛы, харьковские и львовские,
На кормежку спешат сюда.

Это их конечная станция,
А скорее — цыганский стан.
И отсюда дороги тянутся
В Кишинев, на Сухой лиман.

Я не знаю, кем Мартыновский был
И каких натворил он дел.
Вероятно, к делам автобусным
Отношенья он не имел.

Был рабочим или матросом он,
Я не выяснил до сих пор.
Но на площади Мартыновского,
Как в политике, все затор.

Был рабочим или матросом он,
Я не выяснил у людей.
Но на площади Мартыновского,
Сто автобусов. Каждый день.

1962

Первый снег

Падают снежинки в грязь.
Гибнут в ней повально.
Но у каждой есть своя
Индивидуальность.

1962

Октябрь

И вовсе не от холода продрог я,
И не от ветра на щеке слеза,
А потому, что с неба смотрят строго
Холодные глубокие глаза.

1962

Я — шагающая темница
С глазами вместо решеток.
Во мне сидит прекрасная птица,
Сидит в тюрьме и поет там.

Поет, проклятая, и хохочет:
Держи меня, сколько влезет.
Мои стихи — до последней строчки —
Лишь отзвуки этих песен.

Лишь только отблески. Я воочию
Вижу единственный путь:
Позвать людей на Главную Площадь
И грудь ногтями рвануть.

1962

1963

Радость

Я хорошо себя веду.
По улице Артема
У всех прохожих на виду
Иду довольно ровно.

Чуть-чуть кружится голова,
И на ветру мне жарко,
Но я же не поцеловал
Немецкую овчарку!

И не обнял я старый дуб,
Лишь поклонился скромно.
Я хорошо себя веду
По улице Артема.

1963

Футбол

Григорию Кипнису

От знакомых, скучных и ненужных,
Лестно слышать, что сошел с ума,
Что семьей пожертвуешь и службой,
Чтобы посмотреть футбольный матч.

А потом, в троллейбусе набитом,
Где места — нечаянный сюрприз,
Ехать, наслаждаясь каждым мигом,
В сказочно-заманчивую жизнь.

Где плевать на прибыль и на убыль,
Где страстей трепещут паруса.
Этой жизнью можно жить за рубль
Два академических часа.

1963

В другую сторону
Качнулся маятник.
Значит, снова нам
По тюрьмам маяться?

1963

Я позабуду все обиды,
И вдруг напомнят песню мне
На милом и полузабытом,
На украинском языке.

И в комнате, где, как батоны,
Чужие лица без конца,
Взорвутся черные бутоны —
Окаменевшие сердца.

Я постою у края бездны
И вдруг пойму, сломясь в тоске,
Что все на свете — только песня
На украинском языке.

1963

Зло и монотонно
Правили Россией
Гордые Семены
Да Темные Василии.

В их царстве годы
Нависли тоннами —
Семены Гордые,
Василии Темные,

Мы им сказки,
А они управляли —
Слепые Васьки
Да Сеньки-нахалы.

1963

Праща (Fronda)

Рукою камень бросить проще,
Но далеко забросить трудно.
А посильней раскрутишь пращу
И он, свистя, летит, как спутник.
Ее оружием настоящим
Нельзя считать, но парижане
Бросали камешки из пращи,
А в Лувре короли дрожали.

1963

Республика Сан-Марино

Говорят, границу Сан-Марино
Навели известкой, чтоб война
Не грозой, а песней комариной
В горном том краю была слышна.

Чтоб в любое время эскадрильи
Разглядели их нейтралитет,
Чтобы по ошибке не бомбили,
Чтоб ни те не тронули, ни те.

Я не знаю, помогла ль известка,
И совсем не в этом дело тут.
Мой знакомый собирает в горстку
Хрупкий свой и призрачный уют.

Только одного боится страшно —
Позовут и прямо спросят: с кем?
Воротник лавсановой рубашки
Белой полосой на пиджаке.

1963

Борису Гопнику

Я из кошачьей пасти вытащил
Трепещущего воробья.
Та кошка до сих пор лежит еще
И думает, что сволочь я,
Что с хлюпиком и филантропиком
Ужасно жить в семье одной.
И только одобренье Гопника
Вернет душе моей покой.

1963

Называют атомною эрою
Век автомобильных катастроф.
Соблюдайте правила движения -
Правила движения души.

1963

...Религиозное

Водят туристов.
И еще командировочный с рыжим портфелем.
А старухи истово-истово
Молятся в соседнем приделе.

Говорят — искусство.
Выдающиеся художники
разрисовывали купол в храме.
Вверху нарисованные Иисусы,
Внизу — в каменный пол — лбами.

Только я на художников не в обиде —
Рисовали, что велено, тоже ведь люди.
И холодные плиты
Воспаленных лбов не остудят.

Кто-то верит поменьше,
Кто-то вовсе сюда
по привычке плетется.
Но такая горячая вера в глазах этих женщин,
Что минута — и сдвинутся горы,
остановится солнце.

Только горы на месте,
и солнце заходит за горы.
Все напрасно!

Все кончено!
Все потеряно!
Все — за плечами!
Их наивная вера глубока, словно море:
Захлестнула церковь, и крест —
как рука над волнами.

1963

А людям нужно жить у моря,
И нужно долго жить, пока
Вода соленая не смоем
Наносы глины и песка.

Когда в тумане тает берег
И чайки над водой скользят,
Нельзя любви своей не верить,
И ближнего топить нельзя.

Потом приходит пониманье
Простых, казалось бы, вещей
И мысль о том, что слишком мало
Осталось на земле морей.

1963

(Подражание Евтушенко)

Удивительно длинный ливень,
Который всех уже разозлил.
У деревьев мокрые гривы,
А на Днепре весенний разлив.

И за мостом пешеходным сразу
Вместо асфальта течет река.
С проводов телефонных наземь
Не успевают капли стекать.

Это, наверное, так и надо —
Простор, сжимающий, как тиски
Вместо буфета и бильярдной —
Чистая синева реки.

Шаг — и ты покидаешь несмело
Асфальтированную твердь.
Наши рубашки прилипли к телу
Каждому ближе своя теперь.

1963

Хлеб

Не потому, что в поте лица...
Откуда мне, городскому мальчику,
Было знать, как над черной пашнею,
Не выдержав, лопаются сердца.

Не потому, что на том столе,
Где стояли салаты сложные,
Где икра — столовыми ложками,
В центре ставили черный хлеб.

Я любил его с малых лет,
Все глядел — не мог наглядеться,
Потому что знал еще с детства,
У скольких его вдосталь нет.

1963

В пятьдесят втором, холодном, трудном,
Покупали все в очередях —
На витрине не было продуктов,
Но зато стоял портрет вождя.

А внутри, где высился нелепый
Ряд оштукатуренных колонн,
Говорил крестьянин: «Нету хлеба».
Голод. Пухнут люди за Днепром.

Каждый побыстрее пройти старался —
Ну кому мешает голова?
В такт словам позванивала касса,
Будто одобряя те слова.

А когда по улице крестьянин
Быстро шел — видать, хватало дел,
Сквозь стекло жестокими глазами
Долго вслед ему портрет глядел.

1963

Я воспитывался в очередях
За сахаром и за маслом.
Помню все дворы, где тогда
Простаивал час за часом.
Не хватало мне — я молчал,
Успехом ужасно горд был.

Пятилетний, я получал,
Как мама, взрослую норму.
Полдвора — трехчасовой путь.
Я помнил, что я мужчина.
И это выстаиванье отнюдь
Меня не ожесточило.
Очень долго умею ждать,
Даже в беде веселый.
Я воспитывался в очередях
И доволен своею школой.

1963

Скользанки

Улицы розданы
Детям, словно клад.
Тянутся скользанки
От угла до угла.

Детям кататься
Не надоест,
А взрослые боятся
Скользких мест.

— Не пришлось бы каяться.
Асфальт шершав —
К асфальту тянется
Их душа.

А может, доверимся
Гладкости льда?
Давайте проедемся!
— Проедемся?
- Д а !

Только и сегодня
Учитель мой
Скользянки обходит
Стороной.

1963

В мире рифм, на улице на любой
Жизнь удивительно хороша.
Слово «боль» рифмуется со словом «мозоль»
И не рифмуется со словом «душа».

Могут возразить, что по улицам
Там не бродят влюбленные пары —
Слово «девушка» черт его с чем рифмуется
И не рифмуется со словом «парень».

Пары бродят. И до рассвета
«Любовь» рифмуют со словом «правда».
И в этом странном мире поэты
Считаются главней космонавтов.

1963

Синица

Ты в моих ладонях, будто птица,
Даже руки — словно два крыла.
Маленькая, звонкая синица
Хвасталась, а моря не зажгла.

Голос твой не арфа, а гармоника...
Но откуда этот трубный клич?
Острым аккуратным треугольником
В небе пролетают журавли.

Пусть они летят себе, красивые,
В теплые далекие края.
Хорошо их пение призывное,
Только ты в ладонях у меня.

1963

Зимним вечером, летним вечером
Если делалось тошно мне,
Каждый раз повторял доверчиво:
Утро вечера мудреней.

Все узлы распутывал утром я,
Все казалось простым с утра.
Но опять приходили мудрые
Одинокие вечера.

Слишком много за день изведено
Эта мудрость была горька.
Почему же мы за советами
Обращаемся к старикам?

1963

Что останется в старости?
Горький дым папирос,
Ощущенье усталости
Да седеющий пес.

Если прежде, до старости,
Ты щенка себе взял.
Из богатства останется
Драгоценный металл.

Вот — молчание — золото,
В серебре голова.
Мне нужна моя молодость,
На металл — наплевать.

1963

Сонет

Одну звезду на небе видел он,
Считая остальные звезды фоном.
Зимою сквозь замерзшее стекло
Была видна лучей ее корона.

Зима кончалась. В марте начался
Побег ручьев, петлявших, словно нити.
Но летом он корону эту видел
Сквозь слезы, застилавшие глаза.

Промчалась жизнь, как предрассветный сон.
Как это странно — быть всю жизнь влюбленным
И жить одною мыслью день за днем!

И это не сонет — скорее стон.
Считая остальные звезды фоном,
Одну звезду на небе видел он.

1963

Сколько раз мы сбрасывали шубы,
А потом натягивали вновь.
Сколько раз от ветра, чьих-то шуток,
Чьих-то песен веяло весной.

Но метель взъерошенною птицей
Плакала и билась о стекло.
Робкая весенняя водица
Превращалась в скользкий черный лед.

Солнце растопило наши страхи,
Ветки вербы вызвали восторг,
Но старик по-прежнему в папаше
И в тяжелом, на меху, пальто.

Может быть, великолепье мая
О зиме забыть заставит нас.
А сейчас апрель, и вот такая
Трудная и горькая весна.

Апрель 1963

Слепому помогли войти в троллейбус.
— Скажите мне, пожалуйста, кондуктор.
(О чем он спросит — сколько остановок
До выставки?)... Сегодня солнце есть?

— Нет, солнца нет, — ему сказали хором,
С утра туман, — и посмотрели в окна,
Как будто были в этом виноваты.
Но он спокойно принял эту весть.

— Ну что ж, весна бывала и позднее.
Вот до войны — тогда еще я видел —

Во время Первомайского парада
Снег выпал. Да, году в тридцать шестом.

Но солнце будет, очень скоро будет. —
И он был прав, а впрочем, все мы знали,
Что солнце будет, непременно будет.
Уже никто не сомневался в том.

1963

Дарвин не прав, совершенно не прав Дарвин!
Вот, посмотрите, стройный, красивый парень.
Густые брови над голубыми глазами.
В нем ни малейшего сходства нет с обезьяной!
Хрупкая девушка шепчет ему: до завтра.
Разве она похожа на динозавра?
Знаю, что многие не согласятся со мною.
Скажут: а почему же
сосед наш свинья свиньей?

1963

Валерию Лобановскому

Его стихи — футбольные встречи,
Он лучший автор гимнов и драм.
Но ему легче,
Его-то бьют по ногам.

Он — поэт футбола, и больше нечем
Дань отдать ударам его и рывкам!
Но его не увечат,
Просто бьют по ногам.

1963

Сорок первый

Как в кино: идем, а перед нами
Пыльная дорога вьется вдаль.
Разница лишь в том, что под ногами
Не пески, а киевский асфальт.

Солнце жжет с утра. Дойти бы только!
Руки шелушатся и саднят.

У нее лишь заняты винтовкой,
Связаны веревкой — у меня.

А дорога круче и труднее.
Позади идет моя судьба.
Вот и любит, вроде, и жалеет,
Даже вытирает пот со лба.

Все равно щелчок, и выстрел нервный
Молодое утро рассечет.
Только я уже не сорок первый,
У судьбы куда длиннее счет.

1963

Над морем

У комаров нелетная погода,
А нам совсем неплохо под дождем.
Неподалеку здесь аэродром,
И непривычно нам, что с небосвода
Пропеллеров не долетает гром
И рев турбин — нелетная *погода*.
Но дождь утих. Теплятся в небе звезды,
Внизу на берегу зажглись костры.
Не выпускают самолеты в воздух,
Зато всю летают комары.

1963

У голубей от голода
Пропала гордость.
Хоть их руками голыми
Хватай за горло.

И мы к земле привязаны
При всей при нашей удали
Питанием трехразовым
Куда сильнее, чем думали.

1963

Кузнечики

Из сада в дом попадают кузнечики
И долго прыгают по паркету.
Потом они засыпают — вечером —
Часть под шкафом, часть под буфетом.

И девочка утром, часов в одиннадцать,
Несет их в сад в кармане передника.
Одному удастся вырваться,
Она его долго ловит в передней.

В саду взволнованно и бессвязно
Друзьям и родственникам кузнечики
О длинноногой богине рассказывают,
А те улыбаются недоверчиво.

1963

Сегодня волны бьют о камни пляжа
И на мысу маяк ревет.
Я отплыву от берега подальше
И поиграю в старый пароход.

Капитан азартно матерится,
Дребезжат машины — им конец.
И четыре черных моториста,
Как четыре тени на стене.

Что-то чинят, что-то поправляют,
Но ничем помочь уже нельзя.
И волна соленая, шальная
Заливает серые глаза.

Ох, и разыгралось сине море,
Хоть к утру бы стих проклятый шторм.
Быстро, без речей и церемоний,
Люди попрощались с кораблем.

Сели в шлюпки. Капитан по долгу
Делает последним этот шаг.

Я плыву назад и долго
Отдыхаю на мостках.

1963

Наблюдаю падение листьев. Октябрь.
Ни о чем не думаю — просто листья,
Просто октябрь.
Горький запах у листьев. Осень. Смерть.
Ни о чем не жалею: просто осень.
Просто смерть.

1963

В хате розовая стенка,
На стене портрет.
На меня глядит Шевченко —
Лучший наш поэт.

Как Тараса молодого
В Питер увезли,
Так и в старости — ни дома,
Ни семьи.

В казахстанских тех широтах
Посреди песков —
Рядовой солдат пехоты.
Царь и бог стихов.

Перебить ли обух плетью...
Что ж, молчать? Ну, нет!
Лишь один такой на свете
Был поэт.

И Тарас из царских ручек
Не ловил наград.
А удачливые трусы
По ночам дрожат.

1963

Цирюльники

*Труп Ивана Грозного постригли
в монахи и нарекли Ионой.*

I

Недолго цирюльники царские жили.
Их ночью стрельцы на допрос уводили,
Дробили кувалдою руки и ноги,
Вгоняли иголки под грязные ногти.
— Царя отравить иль зарезать хотели?
Где брали, собаки, бесовское зелье?
Цирюльников крики сквозь ночь пробивались,
Они признавались, во всем признавались.
И слышали мрачное: «То-то же, черти!»
И Господа Бога молили о смерти.
Зеваки на казнь равнодушно смотрели —
Худые цирюльники плохо горели.

//

Комната от курений
Душиста и чуть туманна.

Молча стоит последний
Цирюльник царя Ивана.

Глаза у него большие,
Печальные — умер царь.
Но радость в каждой морщине
Маленького лица.

Ему хорошо стоять здесь,
Глядеть на скорбные лица
Ему не надо бояться,
Теперь его жизнь продлится.

Ему хорошо в молчании
Под колокольный зуд
Бояр обжигать глазами
И ждать, пока позовут.

Стоять в уголке и думать,
Лаская бритвы железо,
Что если бы царь не умер,
Он сам бы его зарезал.

1963

Расковали Прометея,
Дали хлеба и вина.
К Прометею возвратилась
Старая жена.
— Я жила у винодела,
С гончаром жила,
Ну а в том, что так случилось,
Не моя вина —
Не кори меня.

Дни разматывались нитью.
Слушал сказки стариков
О царях и о героях,
О делах богов.
Он узнал, что бог Юпитер
Людям дал огонь.
И жилось ему на свете
Хорошо, легко.

Только печень пошаливала.

1963

Виктору Некрасову

Подол — плохое место для собак.
Плевать трамваям на собачьи лапы.
У них дорога, пассажиры, график.
Они неотвратимы, как судьба.

Дождливые подольские дворы,
Изысканные завтраки помоек,
И кажется — от моря и до моря
Дожди, дворы, помойки и пиры.

А вечером огромная луна.
И так все время — бегай и надейся,
Что, может быть, останется на рельсах
Не голова, а лапа...

1963

На деревьях поселились аисты,
Им на крыше не хватило мест.
Милая, не надо каяться —
Надоест.

На коре таинственные знаки,
Пахнет гнилью лес.
Милая, не надо плакать —
Надоест.

Упираются стволов громады
В синеву небес.
Милая, любить не надо —
Надоест.

1963

Экклезиаст

От людских трудов немного пользы
Все стремленья наши — суета.
Новый род сменяет предыдущий
Со словами: будем жить не так!

Но восходит солнце, и заходит,
И восходит снова поутру.
Ветры затевают над землею
Каждый день обычную игру.

А река, впадающая в море,
Множество воды несет туда,
Но проходит время, и к истокам
Снова возвращается вода.

Ничего не будет в этом мире
Нового, как не было, и нет.
И одна лишь правда непреложна:
Все на свете суета сует.

1963

Степан Разин

I

Промелькнули ночи летние,
Друг за другом торопясь.
Эта ночь — твоя последняя.
Утром казнь.

Церковь брызнет позолотою,
Вспыхнут стекла в терему.
Отведут на место лобное,
И — конец всему.

Жизнь прожита, спета песенка,
Шевельнешься — звон цепей.
Такой далекой кажется Персия
И та княжна персидских кровей.

Чья-то тень скользит по стеночке
К неширокому окну.

— Вот и свиделись мы, Стенюшка,
Не узнал свою княжну?

— Заперта моя темница,
Сгинь, лукавый,

— Погоди.

Смыло волжскою водицею
Синяки с моей груди.

После страшной брачной ночи той
И заутрени хмельной
Стала Волга моей вотчиной,
Моей синею тюрьмой.

Не умчаться и не вырваться,
Надо мной бегут года,
Ну а мне всего четырнадцать,
Как и прежде, как тогда.

Я кричала: помогите!
Маму я звала...
Завтра утром ты увидишь,
Что велик Аллах,

Что палач в рубаху прячет
Пару черных крыл,
И поймешь, что не палач он —
Ангел Джебраил.

Ты пойдешь, но сил не хватит
На последний шаг.
И персидские проклятья
Зазвучат в ушах.

Утро скрашено было казнью,
А день медленно оттремел.
Дьяк из Пытошного Приказа
Рассказывает куме:

— Что ж, Степан не моргнул, не ойкнул,
Лег на плаху, и нет как нет.
А еще трезвонят бабы-сороки
О какой-то персидской княжне.

Степан наградил в Персии денег
И всяческого добра
И в одном персидском селении
Нищенку подобрал.

Ватага тешилась с персиянкой,
Да вот по пути назад
Столкнули в воду ее по пьянке
И не смогли достать.

То ли сразу она потопла,
То ли вода была холодна...
А у баб языки, что метлы,
Как бы не так, княжна!

1964

Не важно, что первый в чем-то ты,
Важно, чтоб не последний,
Чтобы шагами четкими
Шли за тобою следом.

Пусть твое слово дареной
Ценностью станет людям.
Важен полет Гагарина
Тем, что другие будут.

1964

Юрюзань

Есть такая речка Юрюзань.
У нее глаза, как бирюза.
А над речкой горький запах трав.
А на речке город Усть-Катав.
В городе домишек чинный ряд,
Очень древних — люди говорят.
Церковь — перезвон стоит с утра,
Люди говорят — времен Петра.
Будочка с окошком у ворот —
Масло- или молокозавод.
В небе облака легки, легки,
И зеленый скверик у реки.
А вода под солнцем — словно сталь.
С удочками мальчик у моста...
Речка, речка, речка Юрюзань,
У тебя глаза, как бирюза.

1964

Природа не выносит пустоты.
Вода в насосе тянется за поршнем,
И даже в кинофильме, даже в пошлом
Какие-то стремленья и мечты.

И никому еще не удалось
Пройти бесследно, избежать поступков,
Пустое сердце заполняет злость,
Чужие мысли — голову пустую.

В пустых глазах смертельная тоска,
В пустых руках обида и проклятье.
Пустыню моря вспарывает катер,
В пустыне — море серого песка.

А мы в водовороте суеты
Вдруг вспоминаем о друзьях погибших,
Приносим к их надгробиям цветы
И с новыми друзьями делим пищу.

Природа не выносит пустоты.

1964

После Троянской войны

Нищий телом и духом нищий,
Едва прикрытый каким-то тряпьем,
Я осматривал пепелище
И разыскивал свой дом.

Греки в лоханках своих расселись,
Но ветра не было. Целый день
Их паруса, как занозы в сердце,
Торчали в морской воде.

Потом уплыли. И чист и горек
Волны белокурой всхлип.
И можно мечтать о том, что море
Проглотит их корабли.

Руины пахнут золой и зноем,
Зовут на борьбу и месть.
Лежит убитый троянский воин
И крепко сжимает меч.

Играет солнце на медном шлеме
Тысячами огней...
Перекую этот меч на лемех,
Лемех теперь нужней.

Троянские женщины и мужчины
Убиты и взяты в плен,
Мою невесту в края чужие
Везут на греческом корабле.

Я нищий телом и духом нищий,
Один в сожженной земле.
Нужно построить себе жилище,
Нужно посеять хлеб.

1964

Загорск

I

То вверх ползли в скрежещущем автобусе.
То низвергались.
А за окном поля Московской области,
Заснеженные дали.

Ларек, и мальчик держит сумку мамину.
Какую роль судьба ему отыщет?

Руководить Москвою белокаменной?
Мытарствовать в Мытищах?

В двадцатом веке верить больше не во что,
Осталась вера в Бога.
И церкви выбегали, словно девушки,
Красивые — до боли.

II

*Подражание Микеле
Винграновскому*

Церквей загорских купола
И монастырских стен бойницы.
Как синие большие птицы,
Церквей загорских купола.
От самолета тень легла,
И два огромные крыла
Скользят по снегу и по лицам.
Церквей загорских купола
И монастырских стен бойницы.

III

Не надо сказок о Рублеве,
К чему красивые слова?
Не мужиков и не влюбленных
Он на иконах рисовал.

Он жил в совсем другие годы,
Он был талантлив и глубок
И знал: у русского народа
Одна надежда — русский Бог.

IV

Рассказывает о Сергии,
Сергии Радонежским.

Священник не замечает
Пристальных глаз моих.
Загадочны и печальны
Лики святых.

Прошла сквозь старух и свечи,
Красивая, молодая.
И тоненькие плечи
Дрожали от рыданий.

Прошла и упала ниц.
— Смотри, что делает девка!
Сюзанна ее разглядела
Сквозь липкую тушь ресниц.

Красные сережки,
Синее пальто.
Она была похожа
На сломанный цветок.

И мой товарищ хмуро
Позвал: пошли, Сюзанка!
(Сюзанна была не из Лурда,
Она была киевлянка.)

VI

*В музее русского искусства вы
можете увидеть...*

Из путеводителя по Загорску

Есть в музее русского искусства
Необыкновенная скворешня —
Ловко сделанная из колоды
Голова мужичья.

У меня такое было чувство,
Будто сам я к дереву подвешен,
Будто в голове скворчат выводят.
Будто плачу я пометом птичьим.

Ворон выклевал глаза,
Зубы выбил конвоир.
В круглый рот влетают птицы
И глядят на внешний мир
Сквозь глазницы.

И в прогнивший череп равнодушно
По утрам заглядывает солнце.
Странную, жестокую игрушку
Сделали когда-то новгородцы.

VII

Мы в Загорске всего лишь гости.
Нам пора, и охота курить.
Но какой-то особый голос
Появился у нас внутри.

Голос тих, немного печален
И почти что неуловим.
Мы в автобусе обсуждали
Новый греческий кинофильм.

1964

Бригантина

Песня

У нас асфальт струится под ногами
И вместо палуб ровные полы.
Но в синем море на прибрежный камень
Катятся белокурые валы.

Припев:

Когда мечта с упорством спаяна,
Ей нет преград, ей нет преград.
Нетерпеливо ожидая нас,
Моря далекие шумят.

Там волн соленых штормовая ярость,
Там чайки умирают на лету.
И мы проносим, словно алый парус,
Большую и красивую мечту.

1964

По летнему городу (нет, это запах),
По южному городу (нет, юго-запад),
Столичному городу (разве в столице
Листаются годы, как будто страницы?)

Асфальт под подошвами медленно тает,
И день улетает, и ночь улетает.
Лишь вечером след мой в асфальте застынет
И станет глубоким, прозрачным и синим.

А милая сделает слепок из гипса
И спрячет в комод, чтобы он сохранился.
Мой след никогда не исчезнет, а это
Большая удача и честь для поэта.

1964

Я плачу
Откровенностью за откровенность.
Я живу
Во второй половине двадцатого века.

Это время с трудом
Прогрызалось, росло, пробивалось.
Это время — мой дом.
Моя крепость. Почтовый мой адрес.

Просто несколько слов
На щеке голубого конверта:
Леонид Киселев
Из второй половины двадцатого века.

Август лужицы вытер,
На асфальте валяются первые листья.
Ах, какой яркий свитер
На этом мотоциклисте!

А девчонка умело
Сигарету сосет и лицо подставляет под ветер.
Вот и повесть о нашем Ромео
И о нашей Джульетте.

Два столетия спустя
Пыль стряхнут с моих строк незаметных
И узнать захотят
О судьбе и о жизни поэта.

Для чего он лез в драку?
Что пророчил, о чем он торочил?

Но не станет Ираклий
Собирать дневников моих клочья.

Встретят холмик во ржи
И вернутся с подробным ответом:
Он родился и жил
Во второй половине двадцатого века.

1964

Я любил когда-то большие числа:
Миллионы, квадриллионы,
Знал, что такое миллиард
В европейском значении этого слова,
В нашем русском значении этого слова.
А еще я любил световые годы
Переводить в километры, метры
И подсчитывать, сколько нужно спичек,
Чтобы до Сириуса достать.
А потом полюбил я малые числа,
Очень многое знал я о малых числах:
Объем молекулы водорода,
Длину берцовой кости клопа,
Сколько микробов в одном микроне

И что такое миллимикрон.
А потом полюбил я простые числа:
Вот живет человек, и он одинокий,
Потом женился, их стало двое,
А после дети у них пошли.
Один ребенок, второй ребенок,
Ну даже, скажем, третий ребенок,
И теща приехала жить к нему.
И он подсчитывает зарплату:
Сколько нужно котлет к обеду,
Сколько купить билетов в кино.
Это и есть простые числа,
И пока они в пределах десятка,
Можно им доверять вполне.

1964

Господа, у меня небольшая просьба,
То есть, это громадная просьба,
Она небольшая в том смысле,
Что ее выполнить очень легко.
Итак, у меня небольшая просьба:
Я прошу не стрелять в детей.
Понимаете, когда летят пули,

А тем более падают бомбы,
На жесткую землю падают дети,
И они не поднимутся никогда.
Конечно, когда убивают взрослых,
Тоже не очень хорошо,
Но, господа, понимаете, дети...
Они красивы, вьетнамские дети —
Черные волосы, круглые лица
И очень мудрые глаза —
След тысячелетней культуры,
А, может быть, это след страданий,
А, может, просто нам непривычен
Азиатский разрез глаз.
Нет, вы не думайте, я понимаю,
Что есть концессии, договоры,
Защита свободы, равенства, братства,
И множество всяких других слов.
Но пока на землю падают дети,
Все наши книги и кинофильмы,
Наши спичи и тронные речи
Не стоят ломанного гроша.
Мне не случалось ни разу в жизни
Обращаться с просьбой к Конгрессу США.
Но сейчас у меня небольшая просьба:
Я прошу не стрелять в детей.

[1964]

*О панно Інно, панно Інно.
Я сам, вікно, сніги.*

П. Г. Тычина

Луна позолотила иней,
Налипший на моем окне,
Красивое девичье имя
Звучало в тишине.

И было имя необычным,
И долетало, словно стих,
Сквозь стук ирпенской электрички,
Сквозь смех товарищей моих.

И три протяжных, чистых звука
В меня бросала мгла.
Она, должно быть, нянчит внуков.
А может, умерла.

Но тосковал о ней Тычина
И вспоминал, и постигал.
О Инна, дорогая Инна.
Я здесь один. Снега.

1964

Черная бурка, алая страсть.
Я не сумею тебя украсть.
Слишком привычка во мне сильна
За все расплачиваться сполна.
За черный хлеб и за добрый взгляд,
Весенний день и осенний сад,
За первый снег и за чай в купе.
Чем за любовь заплатить тебе?

1964

Если в это апрельское утро взглядеться
И глаза благодарно раскрыть,
Ослепит и ударит, как бритвой по сердцу,
Ярость солнца и крик детворы.

Слишком синее небо, чтоб выстрелить громом,
Чтоб ударить оттуда грозе.
На мгновенье толпа у дверей гастронома
Станет ближе родных и друзей.

Улыбнусь про себя, потому что увижу,
Что легка моих дней канитель,
Если в щеки целует цветущая вишня,
Если по сердцу этот апрель.

Судьба хитрит, она сама с собою
Играет в очень сложную игру —
Раз в жизни каждому предоставляет
Возможность все иначе повернуть.
Но у судьбы есть десять тысяч шансов,
У нас — один, к тому же мы и сами
Не знаем о призвании своем,
И человек, замысливший убийство,
На улице попросит закурить
И удивит нас отрешенным взглядом.
И если за рукав его схватить,
Не выпускать его, пойти с ним рядом,
Позвать домой и чаем напоить,
Все повернется. Но судьба играет
Сама с собою в сложную игру.
И у нее есть десять тысяч шансов,
У нас — один, к тому же мы и сами
Не знаем о призвании своем.

1965

Торопятся поэты и цари.
Для них малы отпущенные годы.
К поэтам ясность строчки и свобода
Приходят поздно, что ни говори.

И у царей достаточно забот —
Держава не прочней, чем столбик ртутный.
Повесить всех врагов ужасно трудно,
Вдруг кто-нибудь остался, вдруг живет.

Но умирают в юности поэты
И в очень древнем возрасте цари.
И остается песня недопетой,
И корчатся на плахе бунтари.

1965

Милая, не будь такою мрачной,
И такой усталою не будь.
Жизнь прошла, и в сумрак наш чердачный
Солнце не успело заглянуть.

1965

Девочка

Ребенок — глаза ее сразу выдали
Такие синие — у детей.
Не мечтает и не завидует.
Просто смотрит на журавлей.

Они пролетают полумесяцем
И скрываются вдалеке.
Даже синица не поместится
В ее маленьком кулаке.

1965

Будь проклята, услужливая память,
Которая подсовывает нам
Совсем не нужные воспоминанья!
Бывает, собеседник зажурчит,
И сладко слушать этот тихий рокот,
Выхватывать отдельные слова,
Лепить из них, как дети из песка
Пирожные и крепости.

И вдруг
Сожмется сердце, и тупая боль
Пронзит насквозь, и жалобно бормочешь:
Она любила эту поговорку.
Зачем нам суждено переживать
Свою любовь? Обедать, и смеяться,
И радоваться новому пальто,
Ходить в кино и жить под вечным страхом.
Что прошлое напомним о себе
Днепровским садом, строчкою из Блока,
Письмом забытым, прядкою волос.
И все, что было позже, станет мелким,
Нелепым и ненужным.
Я сегодня
Перебирал бумаги на столе.
Нашел твою записку.

1965

Каравелла Колумба

Сменился курс, и волны бьют в борта,
И горестно поскрипывает остов.
Никто уже не верит в синий остров
И прочие счастливые места.

Легко прельстить обманом голытьбу.
Но трудно удержать в повиновенье,
Пропитано опасностью мгновенье,
И, словно чирей, набухает бунт.

Подросток-юнга, тонкий, как свеча,
От холода дрожит в гнезде вороньем.
Но строгий дан приказ — не проворонить
Клочка земли и сразу закричать.

Он тщетно в горизонт вонзает взгляд,
Лишь облака клубятся там, далече.
Но миг невыносим и бесконечен,
И сам Колумб кричит: Земля! Земля!

1965

Все по годам: восторженность,
Потом трезвый расчет.
Вложена осторожность
В глубокие складки щек.

Потом простота и строгость —
Уже ни к чему игра,
А после идет жестокость —
Последняя наша грань.

Бессильная и тупая,
Как ломота в висках.
Жестокость наступает —
Значит, и смерть близка.

1965

Очень жарко, очень жарко,
И в киоске нет воды.
На дорожках зоопарка
Очень странные следы.

Я не заяц и не белочка,
Не удав и не павлин,
А я маленькая девочка,
И зовут меня Катрин.

1965

Аве, Цезарь! Мы с тобою схожи,
И у нас похожая судьба.
По краям твоей пурпурной ложи
Золотая тонкая резьба.

Надо мною ангел смерти реет,
Мой противник ловок и упрям.
Желтая песчаная арена
Обагрилась кровью по краям.

Наконец я слышу глас народа —
Разрывает уши черни рев.
Зрелища заменят им свободу.
Аве, Цезарь! Страшно пахнет кровь.

Ты моей гибели не жаждешь,
Ты не злой, но лучше отвернись,
Если миллион моих сограждан
Пальцами указывает вниз.

Понимаешь, годы — словно птицы,
Наши нити Мойры теребят.
Аве, Цезарь! Мы с тобой убийцы,
И меня зарежут, и тебя.

Аве, Цезарь!

1965

Вы любите чужие города?
Внезапность поворотов и подъемов,
И там, где полагалось быть Подолу,
Морские волны, синяя вода.

Мне города являются во сне,
Похожие на маленький мой Киев,
И все-таки немного не такие.
В них что-то есть. Он созвучны мне.

Я тоже снюсь кому-то по ночам
В далеком царстве сосен и метелей,
Добрей и чище, чем на самом деле.
Пусть много городов приснится вам.

1965

Как будет выглядеть эта война?
Во-первых, правда ли, что она
Разрушит прочные наши дома,
Словно какие-нибудь карточные домики?
Во-вторых, отберут ли радиоприемники?
Это, вроде, и ни к чему,

Но генералы всегда в плену
У того, чему их учили в школе.
Вот, наверное, в следующую войну
Отбирать их не станут, так как поймут,
Что радио не играет роли.
Или, скажем противогаз.
Представьте, что в нем иссякнет запас
Смеси, предписанной для дыхания.
А Маша опаздывает на свидания,
И, бывает, на целый час
(У них комсомольские собрания,
А она — активная комсомолка).
Я все это понять готов,
Но зачем мне нужна любовь,
От которой и помереть недолго.
А если вовремя Маша придет,
То скажите, пожалуйста, как узнать ее
В этой жуткой резиновой роже?
Все будут так друг на друга похожи,
Что начнешь приставать к собственной матери.
Или вздумаешь ограбить прохожего
И вдруг выяснишь, что он — твой тесть.
Все-таки в нашей жизни есть
Много вещей, нелепых и странных.
Меня не приняли в институт
За то, что я припомнить не смог
Всех подробностей битвы при Каннах.

Но ведь речь о римлянах шла! А тут
Речь идет о нас и о наших странах.
И когда война придет на порог,
Размышлять о ней будет слишком поздно.
Ситуация будет и так ясна.
Так давайте задумаемся над вопросом:
Как будет выглядеть эта война?

1965

Слова меняются, словно флаги,
Словно портреты премьер-министров.
Говорят не «рабочие», а «работяги»,
И в этом свой смысл.

Рабочий — это который с плаката,
Который одет, обут и сыт.
Рабочий — он в шестьдесят пятом
Носит сталинские усы.

И дает право любому кретину
Прервать на мгновение свой маршрут
И сказать: «Уберите эту картину!
Ее рабочие не поймут».

А работяги — те проще,
Нет в них романтики никакой.
По вечерам сквозь поля и рощи
Они в электричках едут домой.

В теплом вагоне многие дремлют,
Многие режутся в «дурака».
А впрочем, конечно, страны и земли
В их мускулистых крепких руках.

И свои радости имеют люди:
Выпить сто грамм, колбасою заесть.
Но вот интересно, а что будет,
Когда им все это надоест?

1965

На стене скрипучей горенки
Золотые образа.
У святых улыбки горькие
И потухшие глаза.

Здесь минуты тихо катятся,
Вяло бьются о стекло.
А присмотришься — окажется,
Что столетие прошло.

В щель окна худая веточка
Протянулась, как рука.
И когда приходит девочка
Таня, дочка лесника.

На улыбку полудетскую
И в глаза ее гляжу
И не странным, а естественным
И приятным нахожу,

Что печальные две трещинки
Обрамляют пухлый рот.

А в глазах веселых плещется
Легкий пепельный налет.

1966

Язык не может сразу умереть,
Скоропостижно люди умирают,
Но медленно озера высыхают,
И тихо высыхают русла рек.

Язык заброшен, но ни днесь, ни впредь
Своей вины ничем не искупить нам.
В ночной тиши за горло схватит бред,
И днем самих себя нам будет стыдно.

Он бьется перепелкою в сетях,
Расставленных вечернею газетой,
И вспыхивает пламенем в стихах
Тычины — гениального поэта.

Язык не может сразу умереть.

1966

Монолог Галилея

И пусть меня сожгут, как Галилея!

Из стихов начинающего поэта

А все-таки Земля стоит на месте!
На трех китах, киты на черепахе,
А черепаха... Эта черепаха
На ваших спинах, олухи, стоит.

Неправда, будто вам нужны герои,
Вы травите живых, вам нужен труп.
Огромною и жадною толпою
Вы побежите к моему костру.

Вы будете скрывать свое веселье,
Стонать в тавернах: Галилей сожжен!
И распалясь увиденным, в постели
С особенным усердьем тискать жен.

Но этого не будет — я умней,
Вам не увидеть моего сожженья.
Кричите, что проданся Галилей.
Есть вещи поважнее ваших денег.

Я буду жить! Наперекор всему!
Смотреть на солнце, улыбаться детям,

Подмигивать портрету своему
И слушать птичье пенье на рассвете.

Я буду жить, наперекор всему!
Подмигивать осенним звездам тусклым,
Бледнеть, взглянув случайно на тюрьму,
И улыбаться облакам июльским.

Как это важно — чувствовать и знать,
Что луг (могу лицом зарыться в травы)
Цветок (могу его поцеловать).
Есть вещи поважнее вашей правды.

1966

Письмо девушки к поэту

Я живу в Усть-Катаве,
Маленьком уральском городке.
Этим летом я отдыхала
В крымской здравнице «Маяке».

Белые сосны на косогоре,
Белый снег за моим окном...
Вы так красиво писали о море,
Я тоже очень тоскую о нем.

Ну, подскажите, что мне делать,
Чтоб было море и прибой,
Волна шумела, и летела
Косая чайка над водой.

1966

Я — окольцованная птица,
И нет путей.
Пустые гнезда, как глазницы,
Торчат среди ветвей.

Но это — родина, останься,
Не улетай.
Неизмеримое пространство —
Мираж, мечта.

В полях октябрьский ветер свищет,
И в лужах тонкий лед.
И с каждым днем синей и чище,
И круче небосвод.

1966

Вырежьте на камне цифру двадцать,
Чтоб строка закончилась нулем.
Но когда начнете сокрушаться
О высоком будущем моем,

Не предав и клятвы не нарушив,
Никого не разочаровав,
Эти строки облегчат вам душу:
Я ушел в страну звенящих трав.

1966

Если б знать, откуда ветер дует,
Точно знать, как знают флюгера,
Я б поэму написал такую,
Что сбежал бы Фирсов в повара.

Отложив в сторонку графоманство
И поддержку рухнувших основ,
За моей поэмою гонялся б
Кочетов, а также Грибачев.

Но во мне крамольные мотивы
Вырастают, словно снежный ком.
И среди друзей прослыл строптивым,
А среди соседей — дураком.

И друзья стихам моим внимают,
Даже восхищаются почти,
А души моей не понимают —
Я ленив, но вовсе не строптив.

Уважаю власть, люблю начальство,
У меня почтенная родня.
Я ж не виноват, что слишком часто
Ветер направление менял.

1966

Если дни становятся синей
И звенит замерзшая дорога,
Что мне делать, робкому пророку,
В северной холодной стороне?

Стройный лес сомкнулся и затих,
Спит, и ничего ему не снится,
И дрожат сосульки на ресницах
Русокудых отроков моих.

Здесь туманы тают поутру,
Здесь по небу спутники летают.
И деревни черной птичьей стаей
Вдаль бредут и зябнут на ветру.

1966

На деревенском кладбище кресты —
Граненые дубовые поленья.
Глубокие, похожие на шрамы,
Кривые буквы скупко сообщают:
Иван, Петро, Христина, Евдокия.
Стоят две даты по краям креста.
И все кибернетические коды,
Громоздкие расчеты траекторий
Для бомб и баллистических ракет
Поместятся в коротком промежутке
Меж этих двух четырехзначных чисел.

Я пробую представить эту смерть —
В углу, под образами, а сорочка
Бела, как сахар, и чиста, как смерть.
И все село приходит хоронить,
И все село приходит помянуть
Стаканом самогона. Я припомнил
Особый терпкий привкус самогона
И понял я, что это — привкус горя,
Неповторимый аромат беды.

1966

Игра в слова — нелегкая игра.
Здесь правила таинственны и строги.
Лишь поначалу кажется, что строки
Соскальзывают с кончика пера.

Мы так спешили в этот шумный цех
Где вечный праздник, вечное веселье.
Теперь у нас не комнаты, а кельи
И горький хлеб у нас, и горький смех.

1966

Словно Отечество, или отчество,
Или утренний легкий сон,
Я храню свое одиночество,
Мой единственный бастион.

В этом мире легко и прибыльно
Раздарить себя по частям,
Чтоб доверчиво белки прыгали
На колени моим гостям.

1966

Какою мерою мерите,
Такою отмерят вам.
Ежедневно Америка
Бомбит Вьетнам.

Сверхзвуковые, мощные
Символы наших дней
Пикируют на площади
И расстреливают детей.

Концерны считают прибыль,
Бумаги растут в цене.
Но помните, вашу гибель
Вьетнамцы видят во сне.

Им снятся в огне оранжевом,
Яростном, как восторг,
Вашингтон и Лос-Анжелос,
Буффало и Нью-Йорк.

От ваших речей возвышенных
Раскалывается голова.
Хочу, чтобы вы слышали
Простые эти слова.

У вас Голливуд и Пресли,
И хлеба неprovорот,
И все-таки страшно, если
Враг твой — целый народ.

В мелодии модного танца
И в шуме морской волны:
Сны иногда сбываются,
Сбываются сны.

1966

Площадь возле львовской Ратуши

Полет веков. А может быть, потоп,
Лавины дней, мгновений водопады?
И ратуши квадратная громада
Под их удары подставляет лоб.

Полет веков. А может быть, пожар,
И звон мечей, и зарево, и ржанье?
И по ночам не спится горожанам,
И площадь охраняют сторожа.

Полет веков. А может быть, полет,
Высокий дух погони за грядущим?
В колонне первомайской он созвучен
Весенним дням и флагами цветет.

На площади изломанная тень
Деревьев, на рассвете невесомых,
И дети спят — да будет легким сон их!
И бьют часы — да будет новый день!

1966

Ветер с Востока
побеждает западный ветер.
Ветер с Востока
пахнет кровью и волосы треплет убитым.
Умирают отцы и растут молчаливые дети,
И готовятся к битвам, безнадежно проигранным
битвам.

Ветер с Востока,
грозный вихрь степей азиатских,
Черный ветер измены,
который не знает пощады...
Милая, что ты, не надо, не надо бояться,
Мы умрем, взявшись за руки,
я тебе обещаю.
Городам не спастись.
Их пронзит изначальная зависть
Отдаленных селений, где пыльные стаи акаций.
Наши книги сгорят. (Я не плачу, тебе
показалось.
Просто ветер, и глаза на ветру слезятся.)

Убегают деревья,
летят перелетные птицы,
Только нам не уйти,
мы корнями вросли в эту почву.

Ветер с Востока на круги свои возвратится.
Лет через триста.
Быть может, несколько позже.

1966

Мне надоели ночи в поездах,
Купейных разговоров неизвестность
И горькая, волнующая нежность
В летящих мимо травах и кустах.

А этих полустанков пустота
И полутьма полуночных вокзалов!
И женский голос: «Я ему сказала:
Ты слишком поздно. Я уже не та».

1966

Тичина и Сковорода

*Обізвався Сковорода: Слова твої ж ярі.
Щастя я в душі шукаю, не в плотському чварі.
Що мені дівочі очі — голубії, карі?
Зачинив у світ я двері — ме давхуре карі.*

Павло Тичина «Давид Гурамішвілі
читає Григорію Сковороді
„Витязя в тигровій шкурі"»

Проклятый век. Поэты в нем ютятся,
Как моль в пронафталиненном шкафу.
Уходят в сумасшествие, как в ссылку,
Как будто в эмиграцию, уходят
В шутарство, в сумасбродство, в шутовство,
Он часто вспоминал Сковороду —
Голодного философа, поэта,
Который отказался стать столпом.
О чем он думал? Может быть, о том,
Что никакою дверью не закрётся
От мира, где давно проклятым ветром
Все двери к черту сорваны с петель?
Такой поэт бывает раз в сто лет,
И у него одна задача: выжить.
А век его за шиворот хватает
И тащит не на форум — на допрос,

На плаху, на костер, на гильотину.
И каждый нерв кричит, что быть беде.
Они в бессмертии встретятся. Тычина
Прочтет свои стихи Сковороде.

1966

Предисловие к «Трагедии Гамлета»

I

Как мысли черные ко мне придут,
Перечитаю «Гамлета».
Шампанским
Не балуюсь, но русской нашей горькой
Не брезгую.
И длинные часы,
Заполненные снегом и тоскою,
Проворнее бегут,
И веселей
Стучат на кухне ходики.

II

Офелия, девочка, что ты, не надо,
Твой обморок слишком глубок.
Давай погуляем по тихому саду,
Сплети мне осенний венок.

Забудут овраги, леса и туманы
О том, что мы жили с тобой.
Что Дания наша тюрьмою была нам,
А мир — образцовой тюрьмой.

По ивовым веткам стекают минуты
И счет свой ревниво таят.
И в ярость воды безвозвратно и круто
Уходит тропинка твоя.

Любовь безнадежна, и жизнь невозможна,
И рушатся своды миров!
И волны речные несут осторожно
Венок из осенних цветов.

III

Кажется, у вас была сестра?
Странное какое совпадение —
Я всю жизнь мечтаю о сестре.

И ушла об утренней поре,
И с охапкой всякой дребедени
Утонула в речке? И остра
Боль потери?
Бедный Лаэрт!

Боль потери? Мне ли не понять вас?
Я недавно потерял отца
Спящему налили в ухо яду.
И со мной повсюду ходит рядом
Разъяренный призрак мертвеца,
Бормоча проклятия и клятвы.
Видите, а все-таки живу.
Вам сказали, что сошел с ума я? —
Все о принцах дурно говорят.
Так что не терзайте сердце зря
Заходите в гости, поболтаем.
А сейчас спешу на randevu.
Извините.

IV

Сыграйте мне на флейте, Гильденстерн!
Заморозите душу вашей песней.
И пусть душа рванется в поднебесье,
Изранит грудь о камни этих стен.

Я знаю, вы бездарный музыкант,
И не нужна мне музыка, поверьте,
А все-таки, попробуйте на флейте.
Талант к игре — особенный талант.

В который раз разыгрываю я,
Один на сцене сумрачной и голой
Офелию, безумца, короля
И, наконец, наследника престола.

Но я давно устал от этих сцен,
А вам игра еще не надоела.
Вы рветесь в жизнь, как в пьесу. В чем же дело?
Сыграйте мне на флейте, Гильденстерн!

От Виттенбергского трепа
Поныне сердце болит.
Проклята будь, Европа,
Гнойник на теле Земли!

Прокляты твои песни,
Молитвы твои и слова.
От Виттенбергской спеси
Раскалывается готова.

Догматов тугой ошейник
Врезается в горло вам.
Бегите за утешеньем
К немецким профессорам.

Физики бьются в поисках
Развязки ваших судеб.
Зреет в степях монгольских
Возмездия горький хлеб!

VI

Благословенна шпага Фортинбраса!
Империя — серьезное занятие,
И нужно много пушечного мяса,
Чтоб не отдать, не упустить ни пяди.

И нужно свято верить в высший принцип:
Захватывать, хватать как можно больше.
Дорогу доблестным отрядам принца!
У них поход. Они идут НА Польшу.

Что мне Гекуба? А все же припомнится
 Белая осень, октябрьский снег,
 И как мы пили за польскую конницу,
 И как звала ты меня во сне.

Припомнится мне ремесло актерское,
 Мечты об игре и игра в мечты...
 Декорации
 Эльсинорские,
 Размалеванные холсты.

А пуще всего — серебристо-белая
 Замерзшая ива в объятиях дня,
 Как будто снова плачет Офелия
 На башне замка и ждет меня.

1966

Агония осени. Антагонизм
 Пехоты и морских дивизий
 И агитаторша-девица
 С жаргоном из аптек и больниц.

И каторжность миссии: переорать
(Борьба, борьбы, борьбе, борьбою,
Пролетарьят, пролетарьят)
Иронию и соль прибоя,
Родящую мятеж в ушах
В семидесяти падежах.

[1966]

Не верю в братство физиков. Хотя
И говорят, что в современном мире
Есть десять или двадцать человек,
И только им теория Эйнштейна
Понятна до конца, и потому
Они договорятся меж собою
Над головами партий, и правительств,
И генералов, и секретных служб,
И мир спасут от гибели —
Не верю.

Во-первых, слишком много платят им
И слишком стильна мебель в их квартирах.
А во-вторых, представьте на мгновение

Нелепую картину: тощий парень,
Распятый на реакторе своем,
Грехи людские кротко искупает,
Поблескивая стеклами очков.
Нам не помогут физики. Но верю
В другое братство. Часто и охотно
Я перелистываю фолианты
И тоненькие томики стихов.
И радостно мне слушать переключку
Поэтов всех народов, всех времен.
И в их стихах я нахожу идеи
Добра и правды, света и любви.

Их имена священны для меня:
Гомер и Пушкин, Гейне и Тычина,
Великий Пастернак и Бо-Цзюй-и,
Загадочный Шекспир и строгий Данте.

Но голоса поэтов затихают,
И радио играет за стеною,
И физики играют в домино
И обсуждают шансы нашей сборной.

1966

*Прощай, и если навсегда,
То навсегда прощай.*

Байрон

Прощай, и если навсегда,
То навсегда прощай.
Погасла в утренних лучах
Любимая звезда.

Я знаю, вечером опять
Появится она
И будет как всегда сиять
На уровне окна.

И будет на луну скулить
Дворовый старый пес.
Я буду вечером вдали
За много сотен верст.

Прощай, мой дом, моя звезда,
Мой бедный отчий край.

Прощай, и если навсегда,
То навсегда прощай.

||

Нет и не будет к прошлому возврата
И ничего нельзя переиграть.

Мы расстались потому, что надо,
И я уверен в правоте своей.
Так будет лучше — сердце как граната
Взрывается осколками страстей.

Потом, неуловимо ускользая,
Во сне ты будешь звать.
Я буду плакать пьяными слезами
И письма целовать.

И длинные октябрьские ливни
Ударят по нависшим проводам.
Будь счастлива. Будь самой счастливой,
Прости, прощай, и если навсегда...

1966

Случай в троллейбусе

Люди ехали молча: с утра — жара.
Улыбалось им солнце летнее.
Пьяный, стоя у кассы, монетки брал,
В щель бросал, отрывая билеты им.

Но какой-то старик вдруг сказал баском
С твердой ноткою репродуктора:
— Отчего мы деньги ему даем?
Не давайте, ведь не кондуктор он!

— Ах ты, старая рухлядь! Себе беру ль?
Кто-то мягенько начал: — Видите ли...
И я тогда закричал: — Караул!
Человека обидели!

1966

Киш

В XX веке,
Когда решались очень сложные проблемы:
Природа раковых опухолей,
Что такое наследственность

И кто действительно убил Кеннеди,
Он загадывал простые загадки
И показывал простые фокусы.
На арене стояли две телефонные будки,
В одну из них заходила женщина.
Затем женщина оказывалась во второй
телефонной будке,
А из первой выходил усатый мужчина.
Он приезжал в наш сытый город
Каждые три-четыре года.
Многие люди, увидев афиши со словом КИО,
Вспоминали, что прошло три или четыре года.
Но я знаю людей,
Которые ходили на представления КИО
В каждый его приезд
И всякий раз старались понять,
Каким образом
Женщина оказывается во второй телефонной
будке,
А из первой выходит усатый мужчина.
(Говорили, что в арене подземные проходы,
Что в труппе КИО работают близнецы,
И было много других теорий).
Вероятно, он заслуживал лучшей смерти,
Чем смерть в киевской гостинице,
Где воняет мастикой для пола и жареной рыбой
из ресторана,

А в реке синевой отливает вода
И опавшие листья рябят,
И русалки бормочут, что мне никогда,
Никогда не увидеть тебя.

Жизнь проста, словно песня. Большие стрижи
Полукруглое небо дробят.
У меня впереди бесконечная жизнь
Без тебя, без тебя, без тебя.

1966

Я думаю о Джеймсе Мередите.
О том, что я за ним шагаю следом
По той дороге, нет, по той орбите,
Где поворот под дулом пистолета.

Где предрешен исход, где безысходен
Предсмертный стон, где пятна на гудроне...
Не нужно болтовни о Дон-Кихоте,
Двадцатый век к романтике не склонен.
Двадцатый век — ракеты и гранаты.
И автоматы у морской пехоты.
На знамени у века слово «надо».
...Мы на рассвете медленно уходим

Из наших хижин, вычерненных страхом,
От матерей, страданием убеленных,
Мы разрываем на бинты рубахи,
Смыкаем поредевшие колонны,

Но мы идем. И никакою силой
Не вырвать, не отнять у нас победу!

И Джеймса Мередита не убили,
Он вновь идет, и я шагаю следом.

1967

Баллада о треске

Восславьте треску — самую лучшую
Рыбу, поскольку в ней
Очень много белого мяса
И очень мало костей.

Только хребет и острые ребра
Торчат по бокам хребта
Их сумеет даже ребенок
Вынуть пальцами изо рта.

Восславьте Господа, создавшего треску —
Курицу бедняков.
Эй, рыбак, уходящий в море,
Да будет обильным улов!

Если прочные твои сети
Порвутся, — помни, рыбак,
Наши жены и наши дети
Лягут спать натошак.

Если в доме треска к обеду
И если гости придут,
Не надо стыдиться насущного хлеба —
Награды за наш труд.

Летним утром и зимним вечером
Вгрызайтесь в мякоть трески!
Только не ешьте тресковой печени,
От нее заплывают жиром мозги.

1967

Что вам наворкует Воркута?
Смелые, красивые, большие.
На какой окраине России
Вмерзнет в нары ваша доброта?

Ни спасти, ни спрятать не могу —
Только указать, в каких селеньях
Будете промерзшие поленья
Поливать соляркой на снегу.

Только предсказать, в каком году
Ваши жены снова выйдут замуж.
Только очертить предел тоски...

Полночь цедит каплями беду.
Гаснут звезды сонные в пруду.
Ночи нет конца. Разлука за ночь
Выморозит инеем виски.

1967

В горнице прибрала, тесто замесила.
Приходи, Мессия.
Самовар начищен, полыхает медью,
Почему ты медлишь?
Спят мои подруги в той далекой дали,
Уж они-то ждали!
На войне погибли оба мои сына.
Приходи, Мессия.

1967

Сонет

Начальству не положено смеяться.
Он только улыбается слегка
И трогает коротким жирным пальцем
Кровавые прожилки на щеках.

Ему везет во всех его делах.
Строг с низшими, серьезен с секретаршей,
Когда пошутит кто-нибудь из старших,
Почтительно хихикает в кулак.

Одиннадцать. Попили чаю на ночь.
Спит дочка. Ей приснился Дон-Кихот.
Но громкий смех поднял ее с дивана.
Отец хохочет. Кругленький живот
Двумя руками держит. Петр Иванович
Припомнили солдатский анекдот.

1967

Баллада о Евпатии Коловрате

Карательная экспедиция
Прошла на редкость аккуратно.
Той горстке, что успела скрыться,
До самой смерти будут сниться
Кроваво-огненные птицы
И слабо пахнувшие пятна.

Потом эта горстка нападала на них из засад, а, возвратившись, они нашли сожженную Рязань. Параллель.

5 мая 1967

Уходят люди от меня.
Поодиночке и попарно.
В песке их ноги утопают,
Их голоса вдали звенят.

И чайки плачут о разлуке
На незнакомом языке,
И ветер слизывает лунки -
Их отпечатки на песке.

Нет, нет, неправда, это я
Ушел по синему гудрону,
Где тополей седые кроны
Стоят на страже по краям.

Ушел туда, где небо чисто,
Где травы бережно хранят
Июльских запахов горчинку...

Уходят люди от меня.

1967

Жизнь и смерть Дульсиной Тобосской

В забытом Богом и людьми селенье,
Где умирали в основном от скуки,
И умирающих цирюльник местный
Кровопусканьем к жизни возвращал,
Единственным служили развлеченьем
Ходившие о Дульсиной слухи.
Мамаши глупым дочерям-невестам
Внушали, *от* волненья трепеща:

Она когда-то путалась с Кеханой
И без церковного благословенья...
Сначала дочки глазки потупляли,
Потом алели, словно маков цвет.
Все сверстники ее давно женаты,
Но ей не отыскать в родном селенье
Во веки мужа. Жизнь ее печальна,
И после смерти ей в аду гореть.

Зимою Дульсинея простудилась
И умерла. Священник деревенский
Примчался причащать ее, надеясь
Пикантные подробности узнать,
Но опоздал и брел назад уныло,
О резком ветре отзывался резко.
А впрочем, много женщин, вдов и девиц
Участье приняли в похоронах.

1967

Невозможно удержаться,
Падаешь на скаку.
Нужно пропустить ее сквозь пальцы,
Словно горсть песку.

Нужно, чтобы шорох дней минувших
Стихнул в цокоте подков.
Нужно ждать конца, точнее — нужно
Брать пример с цветов.

1967

Как моя вселенная мала!
В десяти шагах стена тумана.
И тревога в сердце, будто рана,
И в ушах звенят колокола.

Это осень. Ранняя пока,
Но уже подсчитаны приметы:
По этапу в ссылку гонит ветер
Вместе с паутиной паука.

Лужицы в прозрачном серебре,
Словно в запечатанном конверте.
Маленький эскиз. набросок смерти
Пасмурное утро в сентябре.

1967

Дом Шевченко

Переулок вечером струится
Тонкою, прозрачною рекой.
И плывут дома, и он боится
Расплескать их сумрачный покой.

Здесь рассвет доверчив и не страшен,
Звонкий полдень — тише и смирней.
И двадцатый век стоит на страже
У простых коричневых дверей.

В этом доме жил Тарас Шевченко —
Богоборец. Гений. Исполнин.
Грустные скрипучие ступеньки
Тихо разговаривают с ним.

Радуги распластанные крылья
В трогательно маленьком саду.
Окна по ночам ему дарили
Знак надежды — синюю звезду.

...Прометеи корчатся от пыток,
Косарал страшнее, чем Кавказ...
Чист и светел строк твоих напитков
И прямы пути твои, Тарас.

И живое слово не иссякнет,
И настанет правды торжество!

Приношу великую присягу
У порога дома твоего.

1967

Погляжу, как окно напротив
Золотится в закатном огне.
И мышонок в баночку из-под шпротин
Прибежит рыдать обо мне.

1967

Ваши догмы устарели,
Ваши жены постарели,
И в глазах у вас усталость,
А в душе у вас осталось

194

Ощущение вины
И предчувствие войны.

Мы на миг сошлись в метели,
Вы, конечно, разглядели,
Что у вас со мной, по сути,
Одинаковые судьбы:
И одна у нас вина,
И одна у нас война.

А на маленькой планете
Подрастают ваши дети.
В их глазах кричит и бьется,
Из зрачков наружу рвется
Обещание вины,
Ожидание войны.

1967

Во мне сломался какой-то винтик
И все перепутал, все перевернул
Заблудился в своем лабиринте
Сумасшедший Дедал.

Слова сквозь все времена и сроки
Первоначальный смысл несут —
Сошел с ума, как сходят с дороги,
Чтоб затеряться в ночном лесу.

Пахнет плесенью в коридорах.
Над Критом горит рассвет.
Здесь мышей торопливый шорох,
И выхода нет.

Рассвет начинается ровно в восемь
Под стук каблуков и шорох подошв.
Эта весна похожа на осень:
Каждое утро мелкий дождь.

1967

Дарница вскрикнет испуганной птицей,
В белых днепровских песках притаится.
Ночь наступает великим потоком —
Словно орда подступает с Востока.
Пляшет в степи половецкое знамя —
Сосен и дюн коллективная память.
Хрипло и грозно горланят татары—
Белых массивов ночные кошмары...

Полночь клубилась, и полночью этой
Что-то творилось со мной и планетой.
Прошрое с будущим плавилось в слиток
Новых смертей и последних попыток.
Черный песок был рассыпчат и влажен,
Грязный рассвет начинался над пляжем.

Все позабуду. Но врезались в память
Запахи трав над речными волнами.
Полночь, в которой сплетались столетья,
Ночь, что казалась последней на свете,
Скудное утро и два силуэта,
Неразделимых, как грех и расплата:
Красная Лавра на фоне рассвета,
Черная Лавра на фоне заката.

1967

Каравелла
поднимает белые паруса.
Королева
закрывает яростные глаза.
У Колумба
на впалом лбу бессмертья тень.

Но кому бы
подарить этот мертвый день?
Линию речки
и лилии по краям,
Крик электрички,
похожий на крик «Твоя»,
Большое солнце,
прибитое над рекой.
Красные сосны,
пропитанные тоской.
Две струйки пауз
у времени на кресте,
Белый парус
последних моих страстей.
И вновь и трижды,
где рощи розовый край.
Крик электрички,
похожий на крик «Прощай».

1967

Осии Мандельштам

Злая поэма

I

Он иначе сочетал слова,
Может, в этом все его несчастье
И секрет недоброй этой власти —
Колдовства, безумства, мастерства.

II

Все рифмуют с Лермонтовым лето.
Все рифмуют с Пушкиным гусей.
Мандельштам неистовой кометой
Врезался в земную карусель.

Скучные рожденья и кончины
Ткань времен в лишаинах канвы.
Безнадежно мертвенны мужчины.
Безнадежно женщины мертвы.

Рвется в эту скарედность и хворость
Сквозь пространства скудосердых лет

Обреченный выморочный голос.
Вырванный из времени поэт.

Вырвавшийся смерчем. Обелиском
Вставший на скрещенье двух путей:
Пушкинской, Державинской, российской
И своей поэзии.
Своей.

III

Этих строчек хриплое дыханье
И метафор рвущаяся прядь.
Невозможно жить его стихами,
И легко, и просто умирать.

IV

Русская поэзия

Дайте Тютчеву стрекозу,
Догадайтесь, почему.
Веневитинову — розу...
Остальных на Колыму.

Дайте пулю Гумилеву,
Сам предвидел, сам просил.
Пусть смердит живое слово
От наркомовских чернил.

Убивайте, чтоб уснули,
Чтоб не встали, сдохли чтоб.
Бейте пулей, верной пулей,
Ртутной пулей в бледный лоб.

Убивайте, ваше право,
Ваша служба, ваша власть.
Ты швыряешь нас, держава,
В окровавленную пасть.

Бережет тебя начальство
От невзгоды от любой.
Но подумай: в смертный час твой
Кто останется с тобой.

V

Кровью вымараны в списках
Золотые имена.
И словесности российской
Не отмыть того пятна.

Красный лед на мерзлых плитах,
Черный снег пространств ночных —
Стыли судьбами убитых,
Стали судьями живых.

VI

*Нет, не мигрень, но подай
карандашик ментоловый.*

Осип Мандельштам

Не мигрень, я уверяю вас —
Элегическая грусть.
У полковника Шыряева
Бритый череп, черный ус.
У полковника Горяева
Белый чубчик, рыжий ус.

Не мигрень, ни в коем случае —
Мимолетная тоска.
От мигрени средство лучшее
Шевелится у виска.
Вороненое и жгучее,
Ваше средство у виска.

Ах, полковник, вам бы птичкою.
Мне бы розою цвести,
От мигрени поэтической
Не спастись и не спасти.

Та мигрень великим бедствием
Оселяет мой народ.
Я боюсь ее пришествия,
И боюсь, что не придет,

Потому что дар пророчества
Не медаль — не заслужить...
...потому что очень хочется
Хоть немного, а пожить.

Но душа моя — не пленница,
И когда настанет день,
Я приму по праву первенца
Эту алую мигрень.

И вселенная в агонии
Ляжет навзничь у огня.
И тогда придут полковники,
Чтобы вылечить меня.

VII

Над «Воронежскими тетрадями»

Мимо, мимо! Затаи дыхание.
Мимо, мимо! Позабудь все слова.
Теплый ветер твоего дыхания
Медленно раскачивает слова.

Мимо, мимо!.. Единственный способ вырваться.
Мимо, мимо!.. Только в петле мы можем
возвыситься.

Мимо, мимо! Я не могу.
Мимо, мимо... Любая строка, что виселица,
И слова раскачиваются на ветру.

VIII

*Говорят, что Осип Мандельштам умер
в лагере, собирая объедки на помойной яме.*

Поэту невозможно умереть
В больнице или дома на постели.
И даже на Кавказе, на дуэли
Поэту невозможно умереть.

Поэту невозможно умереть
В концлагере, в тюремном гулком страхе,
И даже в липких судорогах плахи
Поэту невозможно умереть.

Поэты умирают в небесах.
Высокая их плоть не знает тленья.
Звездой падучей, огненным знаменьем
Поэты умирают в небесах.

Поэты умирают в небесах.
И я шепчу разбитыми губами:
Не верьте слухам, жил в помойной яме,
А умер, как поэты, в небесах.

1967

Мария Магдалина

Чужим потом пропитано твое тело,
женщина из Магдалы.
Чужими губами раздавлены твои губы,
женщина из Магдалы.
Чужой жадой выжжено твое сердце,
женщина из Магдалы.
Я люблю тебя, и я тебя ненавижу,
женщина из Магдалы.

Нас заключили в мир, где нет воскресения.
Нас распинают деревья — и нет воскресения.
Все перекрестки — распятия, и нет воскресения.
Живые мертвы, и для мертвых нет воскресения.

Что мне делать с именем нежным твоим, Мария?
Что мне делать с печальным сердцем твоим,
Мария?
Что мне делать с мертвой жизнью твоей, Мария?
Я люблю тебя, и я тебя ненавижу, Мария.

4/IX-1967

Пусть рухнувшее дерево задавит
Пигмеев, копошащихся под ним.
Пусть их мечты дурацкие о славе
Развеются, как дым.

Пусть ощутят, как жизнь
Из пальцев цепких
Уходит, медленно скользя.
Пусть острые концы летящих щепок
Вонзятся им в глаза.

1967

*Встал человек на ядрышко земшара
Чуть под пятой жуужжат материки.
Пылает лоб от солнечного жара,
Он Прометей,
С одной его руки
Сполз глиняный рукав трубопровода,
С другой — перчаткой, брошенной богам,
Слетел космокорабль.*

Николай Тарасенко

«Лит. Россия», номер 35, 30/VIII-68 г.

Стоит на главпроспекте населпункта
Квартироръёмщик, стихотворец — некто.
Грозит пенкоснимателям релкульта
Водопроводом Древнерим.

Стихочитатель, нам нужны лошсилы,
Олимпспокойствие и сталенервы,
Покуда главредактор «Литроссии»
Печатает такие худшедевро.

1968

Любовная игра стрекоз
Напоминает Такубоку.
Но мне, холодному пророку,
Не написать о ней всерьез.

А полдень сладостен и тих
В ритмичной страсти тонких линий.
И отблеск марсианской сини
В точеных фюзеляжах их.

1968

*Но город Рим живет среди веков,
А место человека во Вселенной.*

И мертвым, и живым, и полумертвым:
Пусть ест глаза отечественный дым,
Но я поэт — не третий, не четвертый,
А первый и последний город Рим.

1968

Что-то стал я выпадать
Из игры по вашим правилам.
Не лгала и не лукавила,
И тотчас дала понять:
Дескать, начал выпадать
Из игры но нашим правилам.

Не пойму я ваших дел:
Все вы пишете и строитесь,
И все время беспокоитесь,
Будто есть такой предел,
Что успеешь — схватишь втрое здесь,
Не успеешь — прогорел.

Ну, спасибо за хлеб-соль
И покамест до свидания.
Может, свидимся. Заранее
Кто предскажет нашу роль —
Всхлип трехрядного страданья
Или брамсовская боль.

Мне вас не за что любить.
Огляделся я — и вдруг
Вижу — нету основания.

Пятый круг соревнования
И девятый Дантов круг.

Пеленает синий бред
Синий сон и белый страх,
Белый ужас! — потолок еще,
Небо — белое полотнище
На заборах и домах.

1968

И у той последней двери
Мы остались с глазу на глаз,
И у той последней двери
Я сказал проводнику:

Путь окончен, мы у цели.
Так прерви свое молчанье
И скажи мне, ради Бога:
Что за этими дверьми?

1968

Серый гонец летит напрямик
В полночь, в ночь, в темноту.
Недобрая весть, словно птичий крик
Горчит в пересохшем рту.

1968

Стоит ли оплакивать такую
Жаркую и пыльную весну.
Ухожу на третью мировую,
Третью и последнюю войну.

1968

Не казаки и не разбойники,
Не кошки-мышки, не квачи,
Мы позабытые покойники,
Космополиты и врачи!

1968

Луна над яблоневым садом
В горстях деревьев, в дрожании веток
Как низко небо нависает
Над этим садом. Под этим ветром.

1968

А в том все горе, что народ
Не то дает и не то берет.

*(С эпиграфом из Кафки «Жозефина». Наро-
ду нужны уста.)*

1968

Целые сутки верти баранку,
Каждый день штрафует ОРУД.
А дома баба — страшнее танка
И мать ее, теща. И все орут.

Выйдешь на кухню помыться, что ли,
Все равно обед не готов.
А там соседи. Девочка в школе,
А бабка дома. Гонит глистов.

Пьет кипяток и ужасно стонет,
И портит воздух — прямо беда.
А все-таки нашей автоколонне
Дали звание комтруда.

Сентябрь 1968

Суматоха смены декораций,
У дождей октябрьских суета.
Это листья. Как они ложатся —
Брызги краски в плоскости холста.
Это птицы. Как они боятся
Покидать знакомые места.
Это листья — как они кружатся!
Мне на грудь упало два листа.

1968

ВІРШІ
УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ

1963—1968

Селянська пісня

Та якби розлилася річка,
Вона б обміліла
Я на шлях виходила тричі —
Не йде мій милий.

Та якби мела хуртовина...
Така спека.
Я не винна і він не винен,
Він — мов лелека.

У пшениці блискуче море
Сонце впало.
А учора і позавчора
Ще чекала.

1963

Мій шур такий любесенький,
Любесенький, дурнесенький,
Співає у норі.
Ніякої мелодії,
Лише коти-добродії
Біжать на те «крі-крі».

1967

Ігореві Бречакові

I

За ваші наміри вельми похвальні
Прийміть ключа від вашої... господи.

II

Якщо захочете висловити подяку,
То поцілуйте мене у... скроню.

А це ваш автор рачки лізе,
Бо мусив висцятись у лісі!

1967

Нервовий вечір
Грає на скронях октав.
Уламки речень —
Тусклі бляшанки на ковдрі трав.

1967

Дерева до мене:
опаде листя, голе віття,
ти згадаєш, якими ми були,
забудеш — згадаєш?
Так, але ти будеш великим,
товстий стовбур,
інші прийдуть.
Ти забудеш — згадаєш?

1967

Додому

Шкода Москви. Вже наче відійшов
Від сподівань і пристрастей Арбату
І паху бурштинової гербати
У мареві тих марень, тих розмов.

Додому час. До міста всіх кохань,
Де тополеві вранішні тумани,
Де сірий тулуб вершника Богдана
На золотому тлі софійських бань.

Літак аж ніби крилами змахнув,
Натруджений двигун тамує стогін.
Невже мені лишиться тільки спомин
Від тих беріз у весну крижану?

Зелені леза юної трави
Очистять душу, стешуть білу льолю.
І не відчую ні жалю, ні болю,
А тільки так, смутне: шкода Москви.

1967

Ще буде в лузі трава зелена,
І будуть інші її топтати.
Ave Maria, gracia plaina,
Радуйся, Божа Мати.

І вже до інших, а не до мене
Легкі прилетять лелеки
Ave Maria, gracia plaina,
Dominus tecum.

1968

Смерть ланкової

Вмирає жінка. Голова її горда
Вже осипається зимним цвітом,
Ще й коса золота, як той гострий орден,
Що понесуть за нею на цвинтар.

Вже Безносу чути, як іде навшпиньках,
І нема їй слова, нема зупину.
І плаче земля, бо вмирає жінка.
Що родила цукор в гірку нашу днину.

А небо осіннє таке безкрає,
Що і птах не знайде, де притулиться.
І плаче жінка, бо земля вмирає,
Що родила жито в безхлібнім віці.

І щоб жінчине серце — вогненне гроно —
Не розпалося марно в малі жаринки,
Українська земля в своє чорне лоно
Візьме біле лоно золотої жінки.

1968

Цигарочка

Закурю ото цигарочку
Болгарського тютюну.
А сини мої, шинкарочко,
Загинули у війну.

То наляй мені ще чарочку
Угорського вина!
А сини мої, шинкарочко,
Загинули. Нема...

Зажурився, бренді смокче він,
Баклажанну їсть ікру.
А іще купити хочу я
Чеську кохту на стару.

Гроші є, на хліб зостанеться,
Ще ж і пенсія іде.
Хай походить вже, похвалиться,
Що не гірше, як в людей.

Бо як центром йтимеш ввечері,
Чепурні усі такі:
Гарні пальта із Німеччини,
Югославські хустки.

І болгарські ті цигарочки
Так і смалить все село...
А синів моїх, шинкарочко,
Польським снігом замело.

1968

*...В залізній мові,
в залізнім реченні!*

Андрій Малишко

Так, вона залізна, наше слово — криця
Гучнодзвонна мідь.
Над життя і згубу у космічній віці
Вічністю бринить.

Та коли покличе й блискавкою блисне
В сяйві корогов,
Пам'ятайте серцем: наша мова — пісня,
І в словах — любов.

1968

Що робити з першим коханням?
Понести під ринву і в діжці втопити?
А воно постукає на світанні,
І в сон босоніж, і попросить пити.

1968

*Не бачила миленького
Чотири годочки.*

Пісня

Заспівайте, сестро, заспівайте
Про своє кохання безталанне,
Бо в піснях кохання нещасливе —
Нащо і співать, як не журна?
В хаті тепло, а надворі зимно.
За вікном засніжене обійстя,
За обійстям всніжена долина,
А за нею — безпритульний світ.
Як ви, сестро, скоро одіснились
І пішли у сніг, у біле поле...
А в піснях кохання нещасливе,
Нащо і співать, як не журна.
Заспівайте, сестро, про кохання.

1968

*А я тому журавлю
Києм ноги переб'ю, переб'ю.*

Пісня

Земля така гаряча,
Така руда земля.
Маленький хлопчик плаче:
Не бийте журавля!

Притне його до себе
Й руками затуля:
Ой дядечку, не треба,
Не бийте журавля!

Відлине день без'язикий,
І чути в тиші нічній:
Люди, дерева, ріки
Тужно кричать: «Не бий!»

Не винести того болю,
Не виридати жалю.
Що станеться з тобою,
Мій світе, мій журавлю!

В останню мить побачиш
Намисто з багряних плям,
І буде така гаряча,
Чорна така земля.

Панцерники рокочуть,
Крають Чумацький Шлях,
І бідкається хлопчик:
Не бийте журавля!

1968

Не минайте ані тітри,
Ні ж тої коми
Ані слова. Ні звука.
Ні літери
Виживе, витерпить

1968

Тільки двічі живемо.
Раз — у світі білім-білім.
Тож сумуємо і квилим,
Як до іншого йдемо.

А тоді ще в другий раз.
В світі чорнім — аж червонім.
Чорнозем ламає скроні.
І трава росте крізь нас.

Тільки двічі живемо
Двічі радощі й невдачі
І ніхто не розтлумачить
Звідки ми, куди йдемо,

Де спочинемо, коли...
Тільки й ради: так прожити,
Щоб коли вже в чорнім світі —
Там, у білім, не кляли.

Тільки двічі живемо.
Дай нам, Боже, щоб любили
І щоб люди не раділи,
Як у чорний світ йдемо.

1968

22 травня 1968 року

В камені, в дереві, на папері,
У бронзі, в мармурі, в небутті...
А вже на крицевій небесній сфері
Літавці карбують його путі.

На ритинах,
на порцеляні,
На прапорах,
на рушниках...
І не приспати його кохання,
Не вколисати на рушниках.

Треба Вкраїни. Надій і суму,
Селянських хат і курних шляхів.
Треба землі, де завжди пульсує
Шевченкове серце, Шевченків гнів.

1968

Іванові Драчеві

І мати молода, і сонце юне,
І в неї на колінах немовля.
В прозорому повітрі, наче струни,
Гудіння оксамитного джмеля.

Прислухаюсь — співає колискову,
Не знати, чи дитині, чи собі...
І мати молода, і юне Слово,
І яблуні у ранішній журбі.

Минулося. В минуле ревно лину,
В той сад, куди немає вороття,
І тільки пісню чую. Ту єдину,
Ту материнську, що на все життя.

Розумні і дурні, малі й великі,
Уславлені й забуті — все пройшло,
Та не було народів без'язиких,
Ще німих народів не було!

1968

Кольхайтесь, тераси дерев...

П. Тичина

На терасах дерев тільки вітер, вітер, вітер
У прозорих пазурах листя дере.
Чорнопір'ї круки, як химернії квіти,
На терасах дерев,
На терезах дерев.

На терезах дерев всі чесноти космічного віку.
Всі принади невгавного руху вперед.
А поети — як вихор, поети — як вітер, як вітер
На терасах дерев,
На терезах дерев.

1968

3 листа
Джонатана Яреми Свіфта

Я не хочу лежати в цій рабській землі,
Радше спатиму в лондонській твані!
Чи ж повірю, що тут, в світанковій імлі,
Не розтане мій подих останній.

Чи ж повірю, що янголи бачать здаля
І Господь щиросердо кохає
На малесенькій кульці, що зветься Земля —
Порошину ірландського краю.

Захлинається серце: ласкавець, пророк...
Захисти свої люди, воскресни!
Це облуда, мара, бо мій шлях до зірок
Це вони, мої браття і сестри.

Я любив і кохав, і в найтяжчій борні
Не загасли роки мого шалу.
Та все більше скорботи лишалось мені
І все менше любові лишалось.

Як нестерпно щоранку болить голова —
Мабуть, час вже додому, додому.
І ніщо вже не важить, я все змарнував,
Поховайте хоч в пеклі самому!

1968

Дударик

*Коли б тобі горенько та печаль,
То ти б вийшов на вулицю та й кричав.*

Пісня

Голосять баби на згарищах,
На труну сльозами ллють.
А вірші — так це не горе ще,
Радше втіха у жалю.

Діти хлібом снять, голоднії,
В матерів на віях сіль.
А хорали чи симфонії —
То мистецтво, а не біль.

І кохану, котру звабили,
Не знайти на полотні.
Бо кольори і муштабелі —
То малярство, а не гнів.

Та в шпиталі, і за ґратами,
І в землі під повстю трав
Знову й знову я благатиму,
Як у пісні хтось блавав:

Заграй мені, дударіку, на дуду,
Нехай же я своє горе забуду!

1968

Вандея

Хай Париж вигукує ідеї,
Хай п'яніє від повстанчих мас —
Вже селянська лагідна Вандея
Ніж гострить і вдарить в слухний час.

Ой, дарма кричать вони зухвало,
Начебто бракує ліхтарів.
Буде крові їхньої замало.
І очей замало для круків.

Та червоні плями не вгасають.
Всмоктуються в землю, йдуть углиб.
І труйзіллям зарада виростає.
І гірким від неї буде хліб.

Поростуть бур'яном перелоги,
Висохнуть криниці і струмки...
Ми у світ покликані для того,
Щоб усе зробити навпаки.

З-під землі проступить кров гаряча.
Крук крукові очі поклює...
Я побачу, я іще побачу,
Як Вандея перша повстає.

1968

Похорон Офелії

Вулиця довга, немов життя моє.
Ридання оркестру і рип чобіт.
Попереду цвинтар хрести заламує.
Обабіч городи, паркани, дріт.

Зима, і вулиця снігом всипана.
Провулки чорні на тлі снігів.
І сині тіні дерев знесилених,
І сині струмені з димарів.

Завернути б у провулок
До Марії в хату.
Може, там знайти притулок
Альбо смерть вблагати.

Завернути б у провулок
В хату до Варвари.
Бо єдиний порятунок —
В землю, їй до пари.

Та вже не збочити, все заметено.
І сніг рипить, і сурми ревуть.
І довга вулиця, як доведення,
Що є прямою остання путь...

І вже лелекою, вже лілеєю,
В сорочці білій — у білу путь...
Шорсткі долоні твої, Офеліє,
Притну до рота — не одірвуть.

1968

Стати б хоч на менти лічені
Характерником мені —
Подарую кожній дівчині
Лицаря на коні.

А тоді ще дати мусив би,
Щоб раділи всі живі,
Козаченька чорновусого
Кожній жінці-удові.

Дідові — дзвінкого песика,
Щоб не жив на самоті,
Ще й Івасика-Телесика
Кожній бабі-сироті.

А як хто не має віри вже
Ні в кохання, ні в слова,
Я йому сопілку виріжу,
Най журную заспіва.

А як хто вже зашморг вішає,
Щоб зробить останній крок —
Дав би чарку оковитої,
Ще і миску галушок.

1968

Рано ще, рано.

Ще і мати не вставали
І до мене не гукали:
Вставай, сину!
Ще і батько не вставали
І до мене не гукали:
Ходім, хлопче!

Рано ще, рано.

Ще Марія не вставала
Ідо мене не гукала:
Вставай, Йванку!
Старшина ще не вставав
І до мене не гукав:
Кроком руш!

Рано ще, рано.

Ще і донька не вставала
І до мене не гукала:
Вставай, тату!
Ще й онук мій не вставав
І до мене не гукав:
Ходім, діду!

Рано ще, ой, рано.

1968

Вона приходила щоранку,
І нам спочатку говорили,
Що то звичайна баба-бранка,
І поспіша до породіллі.

Вона приходила щоранку.
І ми спочатку уявляли,
Що то була стара циганка,
Кричали: гей, циганко Галю!

Вона приходила щоранку,
Коли ж утретє чи вчетверте,
Ми всі чекали вже на ґанку,
Чия сьогодні буде черга.

1968

Яку нашому селі
Кращі в світі ковалі.

Що майстри вже, то майстри:
Ремонтують трактори,
Лагодять поїльні,
А ще на дозвіллі

Івану Безрукому
Викували залізну руку.
Івану Безногому
Викували залізну ногу.

Івану Безсмертному
Викували залізну смерть.

А хворому вчителю — залізне серце,
А воно не б'ється.
Помер вчитель,
Та хіба ж вони винні?

Яку нашому селі
Кращі в світі ковалі.

Із заліза голові
Викували хату.
А на вікна ще нові
Візерунки-ґрати.

Що на першому вікні
Наче січень, наче сніг.
Що на другому вікні
Наче церква вдалині.
А на третьому вікні
Наче хлопець на війні.
Наче мертвий, наче син,
Крила матері над ним.

То баба Ганна дуже просила,
Щоб їй із заліза зробили сина.

Як у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

їхня слава, мов Дніпро,
Лине в інші землі
Хай у Києві метро,
Хай в Москві музеї.

А у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

1968

Та не однаково мені...

Тарас Шевченко

Він був як полум'я. Його рядки —
Дзвінки і небезпечні, наче криця,
Переживуть і жито, і пшеницю,
І хліб, і сіль, і війни, і віки.

Він був як полум'я. Свої слова —
Легкі, як небо, сині, наче квіти,

Що ними тільки правду говорити,
Він в наші душі спрагли наливав.

Він був як полум'я. Тепер ідїть,
Мо' пощастить знайти в трухлявій шафі
Засохлу риму, клоччя біографій,
Анкетну сповідь і газетну їдь.

Він був як полум'я.

1968

Ніч у Кракові

Хмари повстяні, немов кирея,
На дахи лягли, на димарі.
Ніч, і дощ, і вулиця — над нею
В далечінь простують ліхтарі.

Ніч страшна, як перша ніч Потопу.
В темнім небі чорні короги,
Готика слов'янської Європи,
Празькі замки, краківські церкви.

В темнім небі, наче на театрі,
Сунуть із безодні, із глибин
Обриси Карпат, Високі Татри.
Чеські села, київські горби.

І до ранку в темряві, в пустелі,
В атомовім сяйві блискавиць
Молиться сусідка із готелю,
Сива католичка з Катовиць.

Борони солдатів, Мати Божа,
Всі ж бо кривні, всі вони сини.
Від докорів, і від куль ворожих,
І вночі від марень борони!

1968

Згадаєш їжака, що я приніс,
І як вночі він бігав по кімнаті.
А вже роки убогі і багаті,
Як сніг січневий, промайнуть навкіс.

Забудь ім'я, і голос, і слова,
Лише згадай, що серпень був, як вершник.
Заносилось на дощ. Дивак і віршник
Прийшов вночі і руки цілував...

А інший хтось цей аркуш відшука,
І в нім, далекім, блисне, наче спалах,
Моя любов до жінки, що не спала
І хлібом годувала їжака.

1968

Ти полинеш сиза, наче птах.
Твій полинний присмак вабить серце.
Ти по липню вибіжиш у серпень,
Мов по линві, бгаючи мій страх.

Питиму розлуку, як вино.
І колись, блідим зимовим ранком
Чорний птах, сумний, немов прочанка,
Тихо сяде на моє вікно.

1968

Катерина

Доки буде жити Україна
В теплім хлібі, в барвних снах дітей
Йтиме білим полем Катерина
З немовлям, притнутим до грудей.

Освятивши невимовним болем
Все прийдешнє, кожну нашу мить,
Йде вона, і мов велике коло,
Біле небо наздогін летить.

Про дівочу цноту, про калину
Не співай, поете, не квили,
Бо іде сьогодні Катерина
Тим шляхом, що наші кривні йшли.

Вилами розхитували трони,
Руйнували все старе дотла,
Тільки би Шевченкова Мадонна
В сніжне небуття не полягла!

Тільки би вона донесла сина
До свого народу, до людей.
Біле поле. Біла Катерина
З немовлям, притнутим до грудей.

1968

Я ніхто для тебе, як Улісс —
Пам'ятаєш — в давнім грецьким міті.
Шерхлими вустами непомітно
До її волосся доторкнись.

Я ніхто для тебе. І дарма
До твоїх долоней серце лине.
Всю її — кохану і єдину —
Винести очима крадькома.

Я ніхто для тебе. То моя
Власна доля і нічна скорбота.
І востаннє — пошепки вже — потай
Видихни легке її ім'я.

1968

Є тільки казка про вогонь,
Є тільки пісня про намисто,
А вже початок падолисту,
Пора докорів і вагань.

Сьогодні в причаєнім лісі
Останніх коників знайшов.
А завтра дощ. І осінь знов
Недбало кине у валізу
Присяги їхні і змагання,
І наші оберемки слів.
Є тільки казка про любов.
Є тільки пісня про кохання.

1968

Тамтє оповідають

Я в село приїхав дурний.
Бригадир загадає копати траншеї,
а ввечері поперек нїє страшенно,
чвалишш додому вже сам не свій.

А мій господар тягне з бурта
(хоч цілий день робив, як проклятий)
великий лантух, Дозволили взяти
картоплі гнилої — для скота.

Їдеш з ним і міркуєш так
(а в нїс від лантуха сморід винний);

чого він пнеться із сил, неборак,
і взагалі ж, не хлібом єдиним...

Ще й гордо зважиш свої надбання,
перебираючи знову і знову рядки
Пастернака і Гумільова
чи пісню Лорки про кров і коня.

І я тоді не любив село.
Мені здавалось, що навіть діти
тільки й дивляться щось вхопити
і цупити в хату, в своє кубло.

Але, поживши між цих людей,
збагнув, що це робилось з любові,
що дядькові байдужі корови,
а дядько любить своїх дітей.

Відробить тиждень, та ще й мішки
в неділю пре на базар до міста.
Бо «Смерть корнета»¹ не просить їсти,
а дітям треба хліб і книжки.

¹ Назва поеми Райнера Марії Рільке. (Прим.
Леоніда Кисельова.)

І той сніданок, що я з'їдав, —
товчена картопля, кисляк і сало —
Так важко дядькові діставались,
що він не вгощав мене — пригощав.

Я вчився любові в дядька Миколи.
Не знаю, яка мені ляже путь,
та вже цієї любові ніколи
мені не зректися. І не забудь.

1968

Завтра буде світ такий, як завше —
Білий, жовтий, трохи вороний.
І зависне небо, наче зашморг.
Як і має бути восени.

Сон, мов смерть, настигне на світанку,
І незваний день в останню мить
Забере тебе, як полонянку,
Як у пісні — конями умчить.

1968

*Ой впилася, моя матінко, від ножа,
А заснула, моя матінко, край коня.*

Пісня

Не дайте, щоб заснула край коня,
То наша мати. Іншої не буде,
Бо кине вас. І піде межі люди
Чужинними шляхами навмання.
Не дайте, щоб заснула край коня.

Сурмлять газети, радіо гука,
Що живемо у віці атомовім,
І хоч за все ми заплатили кров'ю,
Та час вже других цінностей шука.

Історія не є ракетний жах,
Вона мов шлях від чужини до хати.
І щастя буде. Тільки ви не дайте,
Не дайте, щоб впилася від ножа.

1968

Не йму віри політикам,
Ані тим, що підтримують існуючі суспільні лади,
Ані тим, що базікають про нові
І нишком колючий дріт припасають
Для своїх кібернетичних раїв.
Державні системи бувають кращими й гіршими.
За деяких вже зовсім не можна жити.
І тоді з подивом виявляєш,
Що жити все ж таки можна,
І сам не знаєш — радіти чи гидувати
З цієї людської властивості.
Вірю в Слово.
Велике, палаюче, наче сонце, Слово,
Що було на початку всього,
І було Богом.
(І це слід розуміти буквально,
Як вчить Августин) .

1968

Мій пророк — божевільний американський
льотчик,
Що погнався за Сонцем на літаку.
Він підіймався все вище і вище
В палаюче Сонце, в палаюче Слово,
І серце билось і захлиналось,
Допомагаючи двигуну.
Він помер від нестачі кисню.
Уламки літака знайшли на землі.

1968

Панове, в мене маленьке прохання.
Тобто це велике прохання,
Маленьке ж у тому розумінні,
Що неважко виконати його.
Отже, в мене маленьке прохання:
Я прошу не стріляти в дітей.
Розумієте, коли летять кулі,
Тим більше, коли падають бомби,
На жорстку землю падають діти.

Ніколи ніхто не підійме їх.
Звичайно, коли вбивають дорослих,
Це теж не дуже приємна річ.
Але зрозумійте, панове, діти...
Вони красиві, в'єтнамські діти:
Чорне волосся, круглі обличчя
І дуже мудрі очі у них —
Древньої культури відбиток.
А можливо — страждань відбиток,
А можливо—для нас незвичен
Азіатський розріз очей.
Ні, ви не думайте, я розумію,
Що є концесії та угоди,
Захист свободи, рівність, братерство
І безліч інших приємних слів.
Та доки на землю падають діти,
Усі наші книги та кінофільми,
Гучні промови й дотепні спічі
Не варті ламаного шага.
Мені не траплялося жодного разу
Прохати чогось у Конгресу США.
Та зараз в мене маленьке прохання:
Я прошу не стріляти в дітей.

1968

В зорянім серпневім павутинні
Нап'яли блискуче полотно.
Просто неба, у дворі правління
Леніна показує кіно.

Чорно-білий фільм, але багряні
Юрми, революція і рік.
І до нас простує на екрані
Невисокий літній чоловік.

Сто акторів вчилися гаркавить,
Випинати груди — та дарма,
Бо у справжній ленінській поставі
Рис монументальності нема.

1968

Як була я молоденька,
Колихала мене ненька.
А як стала підростати,
Стали хлопці колихати.

1968

Пісня про Марію Примаченко

Я бачив ту землю, куди я піду,
І ляжу, і тілом зігрію,
Щоб вічно цвіли в українському саду
Настурції Ваші, Маріє.

Танки проходили,
А квіти незламані.
Коні пробігли,
А квіти незаймані.
Люди йшли,
А квіти незаймані.

Це ж Маріїн сон!

І виходило,
Що війна мине,
Виходить — бігме —
Що і гроза мине,
І буде мати, і буде син.

Настурції.

[...]

[1968]

*Відлине день без'язикий
І чути в тиші нічній:
Люди, дерева, ріки
Тужно кричать: «We бий.»*

Затулити вуха. Заплющити очі.
А втім не варто, бо я вже звук
Щогодини, щодня, щоночі,
Немов білокрів'я, ковтати крик.

1968

Осінь

Така золота, що нема зупину.
Така буйна — нема вороття.
В останніх коників, що завтра загинуть,
Вчуся ставленню до життя.

1968

Зміст

Передмова упорядника	5
--------------------------------	---

Стихи на русском языке

1958

Мой кот.	9
«Он был, возможно, хулиганом...».	10

1959

«Квартал забором обнесен...».	12
«Солнце больше не дарит обновой...».	12
Стихи о мыльных пузырях	13
«Ветер треплет листья...».	13
Буратино.	14
Очень плохо быть поэтом.	15
Раковина.	15
Солнце.	16
«Деревья не платят за платья...».	16
«Ракета улетела на Луну...».	16
«Я вечером слышал соловья...».	17
Сереже Киселеву.	18
«Сияло солнце, было жарко...».	18
Колодец	19
«Яблоню, что растет на улице».	20
Ручей.	20

1960

«Тюльпаны — раскрашенный тонко шелк...».	22
«Петр, шагая по дороге...».	22
Сказка о королевстве цифр.	23
«Город сонный, сонный, только видно.	25
Китеж	26
«Я слышал, будто скульпторы Эллады...».	28
«Откуда, я не знаю, право...».	29
Аршакован («В долине Ког, у речки Максис...») . . .	31
«Молишься и веришь. Даль туманна...».	33
«Говорят, все песни спеты...».	33

«На заборе висит афиша...»	34
Аршакован («Человек подошел к ручью...»)	35
Осень пришла в воскресенье.	37
Димитрий	38
«Дождик серенький и маленький...»	40
«Солнце землю не дарит обновой...»	40
«Ночью деревьям очень страшно...»	41
«Наверное, в душе часовщики...»	41
Космический трамвай.	42
Над Днепром.	43
Антарктида	44
«Жил да был старый граф...»	46
«Оборвалась тоненькая нить...»	48

1961

«Море глухо камни ворочает...»	49
ВТУ-104.	49
«Мальчишка рисует на мусорном ящике мелом»	50
«Осенний вечер. Я выключил свет...»	51
«Ночью метлой с алюминиевой ручкой...»	52
Зависть	52
«Людам трудно, у людей тревога...»	53
Балкон.	53
Одесский цикл	54
Скорость	54
«Все изменчиво! Все в движении!..»	55
«По лоскуткам, по ломтикам...»	55
Джанкой.	56
«Этой ночью умер Сталин...»	57
Памяти Бруно Ясенского	58
«По-моему почетней всех регалий...»	59
Баллада об архитектурных излишествах	60
Лыбедь	61

1962

Цари	62
Стихи о Тарасе Шевченко	63
«Автобус — как пирог на скатерти...»	64
«На улице идет единоборство...»	65
Дон-Кихот.	66

Остракизм.	67
Визит осени.	67
«Дождь. Осанистым соснам...».	68
Первая любовь (Поэма).	69
«Надо мною радио повесили...».	77
Утро стрелецкой казни.	78
Баллада о муке.	78
Август.	80
«Не поможет ни сила, ни меткость...».	81
Эпитафия себе.	81
«Мне снова снится отчий дом.	82
«Горло плоское, как монета...».	82
«Все сторонятся...».	83
Фабричные романсы.	84
«Тринадцатое марта, Куреневка...».	86
«Ах, на площади Мартыновского...».	88
Первый снег.	89
Октябрь.	89
«Я — шагающая темница...».	89

1963

Радость.	91
Футбол.	92
«В другую сторону...».	92
«Я позабуду все обиды...».	93
«Зло и монотонно...».	93
Праща (Fronda).	94
Республика Сан-Марино.	95
«Я из кошачьей пасти вытащил...».	96
«Называют атомною эрою...».	96
...Религиозное.	97
«А людям нужно жить у моря...».	98
Подражание Евтушенко.	99
Хлеб.	100
«В пятьдесят втором, холодном, трудном...».	100
«Я воспитывался в очередях...».	101
Скользankи.	102
«В мире рифм, на улице на любой...».	103
Синица.	104
«Зимним вечером, летним вечером...».	105

«Что останется в старости?..»	106
Сонет	106
«Сколько раз мы сбрасывали шубы...»	107
«Слепому помогли войти в троллейбус...»	108
«Дарвин не прав, совершенно не прав Дарвин!..»	109
«Его стихи — футбольные встречи...»	110
Сорок первый	110
Над морем	111
«У голубей от голода...»	112
Кузнечики	112
«Сегодня волны бьют о камни пляжа...»	113
«Наблюдаю падение листьев. Октябрь...»	114
«В хате розовая стенка...»	115
Цирюльники	116
«Расковали Прометея...»	118
«Подол — плохое место для собак...»	119
«На деревьях поселились аисты...»	120
Экклезиаст	120

1964

Степан Разин	122
«Не важно, что первый в чем-то ты...»	125
Юрюзань	126
«Природа не выносит пустоты...»	127
После Троянской войны	128
Загорск	129
Подражание Микеле Винграновскому	130
Бригантина	135
«По летнему городу (нет, это запах)...»	136
«Я плачу...»	136
«Я любил когда-то большие числа...»	138
«Господа, у меня небольшая просьба...»	139
«Луна позолотила иней...»	141
«Черная бурка, алая страсть...»	142

1965

«Если в это апрельское утро взглядеться...»	143
«Судьба хитрит, она сама с собою...»	144
«Торопятся поэты и цари...»	145
«Милая, не будь такою мрачной...»	145

Девочка146
«Будь проклята, услужливая память...»146
Каравелла Колумба147
«Все по годам: восторженность...»148
«Очень жарко, очень жарко...»149
«Аве, Цезарь! Мы с тобою схожи...»150
«Вы любите чужие города?...»151
«Как будет выглядеть эта война?...»151
«Слова меняются, словно флаги...»153

1966

«На стене скрипучей горенки...»155
«Язык не может сразу умереть...»156
Монолог Галилея157
Письмо девушки к поэту158
«Я — окольцованная птица...»159
«Вырежьте на камне цифру двадцать...»160
«Если б знать, откуда ветер дует...»160
«Если дни становятся синей...»161
«На деревенском кладбище кресты...»162
«Игра в слова — нелегкая игра...»163
«Словно Отечество, или отчество...»164
«Какою мерою мерите...»164
Площадь возле львовской Ратуши166
«Ветер с Востока...»167
«Мне надоели ночи в поездах...»168
Тычина и Сковорода169
Предисловие к «Трагедии Гамлета»170
«Агония осени. Антагонизм...»175
«Не верю в братство физиков. Хотя...»176
«Прощай, и если навсегда...»178
Случай в троллейбусе180
Кю180
Офелия II.182

1967

«Я думаю о Джеймсе Мередите...»184
Баллада о треске185
«Что вам наворкует Воркута?...»186
«В горнице прибрала, тесто замесила...»187

Сонет.	188
Баллада оЕвпатии Коловрате.	189
«Уходят люди от меня...».	189
Жизнь и смерть Дульсинеи Тобосской.	190
«Невозможно удержаться...».	191
«Как моя вселенная мала!...».	192
Дом Шевченко.	193
«Погляжу, как окно напротив...».	194
«Ваши догмы устарели...».	194
«Во мне сломался какой-то винтик...».	195
«Дарница вскрикнет испуганной птицей...».	196
«Каравелла поднимает белые паруса...».	197
Осип Мандельштам. Злобная поэма.	199
Мария Магдалина.	206
«Пусть рухнувшее дерево задавит...».	207

1968

«Стоит на главпроспекте населпункта...».	208
«Любовная игра стрекоз...».	209
«И мертвым, и живым, и полумертвым...».	209
«Что-то стал я выпадать...».	210
«И у той последней двери...».	211
«Серый гонец летит напрямик...».	212
«Стоит ли оплакивать такую...».	212
«Не казаки и не разбойники...».	212
«Луна над яблоневым садом...».	213
«А в том все горе, что народ...».	213
«Целые сутки верти баранку...».	213
«Суматоха смены декораций...».	214

Вірші українською мовою

Селянська пісня.	217
«Мій шур такий любесенький...».	218
«За ваші наміри вельми похвальні...».	218
«Нервовий вечір...».	219
«Дерева до мене...».	219
Додому.	220
«Ще буде в лузі трава зелена...».	221
Смерть ланкової.	221
Цигарочка.	222

«Так, вона залізна, наше слово — криця...»	224
«Що робити з першим коханням?...»	224
«Заспівайте, сестро, заспівайте...»	225
«Земля така гаряча...»	226
«Не минайте ані тітри...»	227
«Тільки двічі живемо...»	228
22 травня 1968 року	229
«І мати молода, і сонце юне»	230
«На терасах дерев тільки вітер...»	231
З листа Джонатана Яреми Свіфта	231
Дударик	233
Вандея	234
Похорон Офелії	235
«Стати б хоч на менти лічені...»	236
«Рано ще, рано...»	237
«Вона приходила щоранку...»	238
«Як у нашому селі...»	239
«Він був як полум'я. Його рядки...»	241
Ніч у Кракові	242
«Згадаєш їжак, що я приніс...»	243
«Ти полинеш сиза, наче птах...»	244
Катерина	245
«Я ніхто для тебе, як Улісс...»	246
«Є тільки казка про вогонь...»	246
Тато оповідають	247
«Завтра буде світ такий, як завше...»	249
«Не дайте, щоб заснула край коня...»	250
«Не йму віри політикам...»	251
«Мій пророк — божевільний американський льотчик...»	252
«Панове, в мене маленьке прохання...»	252
«В зорянім серпневім павутинні...»	254
«Як була я молоденька...»	254
Пісня про Марію Примаченко	255
«Затулити вуха. Заплющити очі...»	256
Осінь	256

Кисельов, Леонід

К 44 ...все на свете — только песня на украинском языке: Поезії — К.: Факт, 2006. — 264 с.

ISBN 966-359-U7-X

Великі поети, що рано пішли з життя, назавжди залишилися молодими. Леонідові Кисельову, який увійшов в антологію російської поезії як блискучий російський поет, а в антологію літератури української - як значущий український поет, так і залишався 22-річним. Він помер від важкої хвороби 1968 року...

За два роки до смерті Леонід Кисельов перейшов у віршах з російської на українську мову, пояснивши це тим, що «всё на свете - только песня на украинском языке».

21 вересня поетові виповнилося б 60 літ. До ювілею видавництво «Факт» випускає цю збірку вибраних творів - як передвісник двотомника Леоніда Кисельова, що стане ексклюзивним повним виданням його поетичних та прозових творів, листів, фотографій, спогадів про поета тощо.

УДК 821.161.2-1-32

ББК84.4УКР6-5+84.4

Літературно-художнє видання

КИСЕЛЬОВ Леонід
...ВСЕ НА СВЕТЕ — ТОЛЬКО ПЕСНЯ НА УКРАИНСКОМ
ЯЗЫКЕ

Поезії

Редактор *Олена Шарговська*

Літературний редактор *Олена Шудра*

Обкладинка *Марини Туровської*

Верстку та макетування виконано
в комп'ютерному центрі видавництва «Факт»

ТОВ «Видавництво „Факт“»

04080, Україна, Київ-80, а/с 76

Реєстраційне свідоцтво

ДК№ 1284 від 19.03.2003

Тел./факс: (044) 287 1886, 287 1882

E-mail: oifce@iact.kiev.ua

Відділ збуту: (044) 463 6887

E-mail: sbyt@fact.kiev.ua

www.fact.kiev.ua

Здано до виробництва 18.04.2006. Підписано до друку 29.08.2006. Формат 75х90 1 / 16. Папір офсетний. Гарнітура «Ньютон». Друк офсетний. Ум. друк, арк 16,7.

Обл.-вид5,8. Наклад 2000 прим. Зам. № 6-1431.

Віддруковано на ЗАТ «ВІПОЛ». 03151. Київ. вул. Волинська. 60.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
серія ДК № 752 від 27. 12.2001 р.